

Юрий КАРАНИН

ЛУЧНИК

книга пятая. Часть 2

Под созвездием Волка:
Звездный бродяга

Юрий КАРАНИН

**Лучник. Книга пятая.
Часть 2. Под созвездием
Волка: Звездный Бродяга**

«Издательские решения»

КАРАНИН Ю.

Лучник. Книга пятая. Часть 2. Под созвездием Волка: Звездный Бродяга / Ю. КАРАНИН — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984175-9

Мир Белого Волка обречен. Остановить схождение планет способны только Лабиринты и Построители Зеркал. Чтобы их запустить, Лучник должен найти свое прошлое — Строгора. И затерян его след на закрытой планете. Книги серии «ЛУЧНИК»: «Холодное Солнце Драмины» в 2 ч., «Лабиринт», «В паутине Зеркал», «Любый мой», «Под созвездием Волка» (в 2 ч.) Дизайн обложек — Сара Ковтун (Познань — Вроцлав, Польша).

ISBN 978-5-44-984175-9

© КАРАНИН Ю.
© Издательские решения

Содержание

Часть вторая	6
Глава первая	7
ЗАЖИГАЮЩИЙ ЗВЕЗДЫ	8
1. Время потерь	8
1.Ариут	8
2.В череде неудач	10
2.Темная сторона	14
1	14
2	16
4	21
Глава вторая	23
На подступах к легенде	23
2.Отчаяние	26
3. Застава	29
4.Без удержу	34
5.Сухая вода	36
Глава третья	47
ЗВЕЗДНЫЙ БРОДЯГА	48
1.Лабиринт	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Лучник. Книга пятая. Часть 2. Под созвездием Волка: Звездный Бродяга

Юрий КАРАНИН

© Юрий КАРАНИН, 2020

ISBN 978-5-4498-4175-9 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-4150-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛУЧНИК

Под созвездием Волка

Часть вторая

Звездный бродяга

Глава первая

ЗАЖИГАЮЩИЙ ЗВЕЗДЫ

1. Время потерь

1.Ариут

«Зачем мне все это?».

Ариут недолго потешилась властью: и у любви Драма – в этом только малая толика вины. Скорее, спасение, а не вина. Там, на планете, она не поняла Храм и не познала его силы. Впрочем, силы она не познала и здесь, зато, в полной мере ощутила его настойчивое стремление к беспредельной власти над людьми и миром. Над нею – тоже. В конце концов, они поверили и в ее силу, но и ей отвели всего лишь роль тарана.

Ариут недобро усмехнулась: они не получили своего, – Властительница категорически отказалась приказать своим подданным пасть под верховенство Храма. Но ей это обошлось высокой ценой. Драм, – о том уже на каждом углу говорят, – без ума влюблен в нее, но она отлично понимала, насколько эгоистичной окажется его любовь. Ведьма знала, что накаркать, – посадят ее в золотую, но, все же, клетку. И ей уже не светит

Драм не спрашивал, любит ли она его? Зачем? В их отношениях достаточно одной любви, а Строгор

Строгор – на другой стороне Заставы. Был? Птргер заверяет, что Государь на той стороне так и не объявился.

Но это ничего не значит.

«Ни-че-го не зна-чит. Ни-че-го». Он где-то рядом. Совсем рядом. И так же рядом тень этой никчемной девчонки.

Ариут с ненавистью посмотрела на злополучный бассейн. Ради него разобрали и перенесли парадную стену дворца. И парадную лестницу. И теперь из ее спальни не видно, кто всходит по лестнице. Но беда не в этом. Дно бассейна так и не удастся склеить, – и потому ей каждодневно приходится лицезреть знамение грядущих лишений. Разумеется, предвестником их служит не напрасно пролитая кровь этих смешных человечков, хотя, без сомнения, и она только приблизит окаянное время. Так говорят люди, боязливо шмыгающие мимо дворца.

Но с Драмом спорить бесполезно. Кто-то активно подталкивает его на это действие. Храм? Возможно. Во всяком случае, Драм упорно не хочет замечать этой очевидности, – каждый раз прекращает разговор и молчаливо уходит. Неужели надеется, что его армии, наводнившие темную сторону, способны одни завоевать светлую сторону, даже если там нет Государя Строгора?

Но с Драмом спорить бесполезно.

Не знала Ариут, что Драм уже готов пойти на попятную. Если бы Ариут еще немножко поднажала, он отменил бы казнь. И не потому, что пожалел ураников, – просто, вчера шпионы донесли неприятные новости об интригах Храма. Не хотелось в них верить, но его шпионы – многоопытны, и, как бы ни были хитромудры храмовники, вряд ли смогли бы провести их. И не провели.

Драм и сам понимал, что жестокая казнь детей оттолкнет от него армию темной стороны. Понимал, но больше верил своим предсказателям, убедительно доказывавшим необходимость этого шага.

А вчера. А вчера он узнал, что предсказатели последнее время слишком тесно общаются с храмовниками. И книга знамений, кою часто суют ему под нос, принадлежит, – теперь нетрудно догадаться, – разумеется, Храму.

Если Ариут снова

А Ариут не открыла ему дверь, – и Драм, не взглянув на бассейн, сбежал вниз по лестнице.

– Йут! – Крикнул он в никуда.

– Слушаю вас, Ваше Верховенство. – Вывернулся откуда-то из кустов Йут, и угодливо склонился в низком поклоне.

– Во избежание нежелательных эксцессов ритуал состоится завтра. Окружите город тройным кольцом. – Указания следовали подобно сухим щелчкам огнестрельного оружия. – На каждой улице, прилегающей к Дворцу, установите заградительные отряды. Жестко пресекать любые проявления недовольства.

Драм, наконец, умолк, – и Йут облегченно вздохнул: он уже несколько дней жил на пределе своих сил, а завтра все закончится.

Драм уже пошел прочь, но затем поспешно вернулся назад.

– Наступление на Заставу начнем завтра сразу же после ритуала.

– А свадьба?

– Свадьба состоится после победы, в которую я всецело верю. Все понятно?

Йут никогда не блистал способностями, но был ревностным исполнителем распоряжений и редко высказывал возражения, но:

– Зачем такая спешка? Многие могут заподозрить бегство.

Драм удивленно вскинул ко лбу свои длинные, густые, закрученные кольцами брови:

– Нас не должно волновать, что о нас подумают. Мы обманем противника, начав операцию, когда ее не ждут. Тем более что погода на нашей стороне. На заставе третий день идут проливные дожди. Я не спорю, они помешают и нам, но теперь мы будем в равных условиях.

– Прекрасно задумано, Ваше Верховенство. – Восхитился Йут. – Я бы мог посоветовать начать наступление во время ритуала, но мы не сможем быть сразу в двух местах.

Да, Йут удивляет все больше и больше.

– Я подумаю. – Бросил Драм и решительно направился к ставке Птргера. Разумеется, говорить о переносе даты наступления Птргеру не следует, но знать его настроение необходимо.

А, когда уже завиднелись шатры ставки, вспомнился Йут, – и Драма неприятно передернуло: неужели и он стакался с храмовниками?

Птргера на месте не оказалось: невероятно, но в его ставке уже знали обо всех переносах, а сам Птргер, всего скорее, сбежал от нежелательного разговора. Бранить нужно только себя: нет ничего глупее, чем раскрывать секрет посреди толпы. Вероятнее всего, и на Заставе уже все известно.

Но Драм, все равно, уже пылал гневом настолько, что готов был начать все немедленно.

Он не заметил подвернувшуюся под ноги корягу, и, зацепившись за нее левой ногой, шлепнулся плашмя в огромную лужу. И это мигом остудило весь глупый гнев.

2.В череде неудач

Лаки тоже пребывала в опасном гневе. На Второй планете дела с предсказателями шли хуже некуда, и искать нужные книги равносильно поискам иголки в стогу сена. Зато, она первой узнала о переносе времени казни, но время уже было безнадежно упущено.

И, все же, она наметом понеслась к поляне, где рассталась со Строгорами и ураникой Верикой.

Она всегда знала, что ее незаслуженно почитают богиней, что еще раз подтвердилось сегодня. Книгу, что она все-таки нашла, Лаки видывала и прежде, но только сегодня нашла те страшные строки.

«Если Герою не удастся зажечь над Желтой Заставой солнце...».

У Строгора иное предназначение – открыть беглым малаи и богам Звезды.

У Строгора другое предназначение, а книга говорила об ином – о том, что Строгор покинет этот

У Лаки есть душа, и она кричит от боли: Строгор для Лаки больше чем друг – он ее второе Я. Только Лаки да Ленарис знали, что он – продолжение Белого Волка, хотя он совсем не похож на Вожака. Ленарис объясняла это очень просто: Строгор – не повторение, а всего лишь продолжение.

Наверное, об этом догадывается еще один человек. Лаки на бегу злобно зарычала: бог-изгой Тысячеликий всегда оказывается вне досягаемости ее клыков, а иначе Иначе тоже получается очень плохо: Стрелу Времени мог пустить он и только он. Лаки удалось перехватить ее, но Строгоры все испортили. Все? Если Строгор покинет этот мир, то Стрела не найдет его Если ...?

Лаки от удивления невольно замедлила бег. Сочетание «покинуть мир» имеет много интерпретаций. Особенно, если имеешь дело с богами и бессмертными. А еще с такими, как Белый Волк. Или Строгор.

И все же она не успела.

На поляне Лаки дожидались только Верика да Строгор-привидение.

– Где он?

– Все изменилось. – Ответило привидение, но волчица нетерпеливо повторила:

– Где он?

Преписать было бессмысленно, и Строгор ответил:

– Улетел к отшельнику Рдмалу.

– Зачем?

Вопрос не был праздным: у отшельника Рдмала плохая репутация. Слежки за ним, правда, не было, и набеги на его владения давно прекратились, но Лаки неожиданно и сильно расстроилась. Почему, она не могла понять, – и оттого ее настроение портилось все сильнее.

– Зачем?

– Только оттуда Строгор сможет попасть на Заставу.

– Я же просила – Лаки сама понимала, что она сейчас не права, но ничего не могла с собой поделать.

– Обстоятельства изменились, Лаки. Казнь перенесена на завтра.

Можно было представить, что Рдмал уже давно поджидал их.

Из пещеры были вывезены кучи различных вещей, а он сам, тяжело отдуваясь, катил по ухабам им навстречу доверху наполненную тележку.

– Что за переселение, Рдмул? – Громыхнул басом Пта, а тот только хмыкнул и отметил тем же тоном:

– Баррикаду от драконов строю. Зачастили что-то.

– Помочь?

– Помоги, если время есть.

– Нет времени, Рдмул. На Заставу нам надо.

Рдмул вывалил в канаву тачку и обреченно махнул рукой:

– Вам здесь не пролететь. Заросла расщелина.

– А он? – Пта кивнул на Строгора.

– Он-то пройдет, думаю. Да не все там ладно, мне кажется. – Рдмул снова махнул рукой, и плюхнулся на тачку.

– Что так? – Недоверчиво заглянул в пещеру Тсир.

– А вы послушайте. Вчера Паламуш ко мне приезжал. Еще в позапрошлом году скалоруб я у него брал займы. Сегодня ему понадобился. А скалоруб-то в закрытой пещере лежит. Вот и стали мы затвор-то открывать, а из щели на нас страхонцы бросились. Еле мы отбились, да затвор закрыли. Такие вот дела.

– И что делать? – Тсир снова неуверенно заглянул в пещеру.

– Страхонцев пожечь можно. Вы затвор быстро откроете, а дальше – не мне вас учить.

– А если и дальше – страхонцы?

– Чего не знаю – того не знаю. Знаю только, что обратного хода ему не будет, – не могу я страхонцев на эту сторону пропустить.

– Выходит, погибнет он там?

– А это – как получится. – Развел руками Рдмул. —

– Далеко ли здесь до Заставы-то? – Прищурил глаз Тсир. – Может, я, или молодые сможем здесь протиснуться? Если что, пожечь и там можно.

– Там пожечь Строгор и сам сможет. Неувязочка только одна получается: огонь там меры совсем не знает, – не одни сутки, случается, полыхает. Ни что живое там выжить не сможет. Так что про огонь забыть придется.

– А отсюда? – Тсир пытливо заглянул Рдмуду в глаза.

– Отсюда туда вода не пропустит, да и не пролезешь ты через расщелину.

– Почто, тогда, пещеру готовишь? – Начал, было, сердиться Тсир, но Рдмул достал из-за пазухи мешок кожаный и только после долгого глотка воды ответил:

– Дед приходил. Это он мне про то, что явитесь вы, сказал, и наказал пещеру освободить. Но это Тсира не убедило, и он решил:

– Придется мне его через верхние пещеры везти. Заодно и путь разведать. Чую, придется и нам в этой сече крылья размять.

Все это время Строгор, как-то отвлеченно вслушиваясь в перепалку, не проронил на слова.

– А ты-то чего молчишь? – Уже и Пта не выдержал. – Не пройти тебе здесь.

– Куда расщелина выводит? – Вместо ответа спросил Строгор у Рдмуду.

– Дед сказал, что раньше к дворцу выводила, а теперь, кто знает? – Быстро отозвался Рдмул.

– Значит, здесь и надо идти. – Нарочито безразличным голосом сказал Строгор, но как обмануть Пта?

– Откуда эти страхонцы взялись, и кто – они?

– Страхонцы-то? А никто этого не знает. Давно они здесь. Сначала только по ночам животины крали, а потом и на людей в сумерках нападать начали. Загнали их в пещеры не здесь, а за мертвыми болотами, и ходы забили крепко. Года два их не видели, а они, погляди-ка, выжили. – Рдмула, казалось, это восхитило, но он же и решил. – Не пройти тебе здесь. Огонь зажигать нельзя, – сам сгоришь, а страхонцы во тьме хорошо видят, – лучше, чем на свету.

– Нет времени стороной обходить. И сами это знаете, и дед не зря приходил. – В голосе Строгора совсем не было решительности, но этим он и убедил драконов.

Рдмул удрученно хлопал себя по бокам, а за затвором гремели взрывы, и гудело пламя.

– Эт ведь как? – Пришло к Рдмалу запоздалое просветление. – Не понял я деда, когда он пещеру проверить приказал. Это ж так я и за водой выжечь мог, и теперь время бы не терять.

Он настороженно прислушался. – Кажись, стихло все. Сейчас проветрим, – и можно будет идти.

– Нельзя ему здесь идти. – Лаки все-таки успела. – Пещера полна газа, смертельного для Строгора.

СМЕР....

«Если Герою не удастся зажечь над Желтой Заставой солнце...».

Как все просто! Строгор зажжет солнце, и сам сгорит в нем. Вместе с Заставой. Возможно, его жертва не будет напрасной. Возможно, но, сколько времени еще пройдет, прежде чем малаи вернутся к звездам.

– Прости меня, Лаки. Мне не дано вывести малаи к звездам. Это сделает кто-то другой. Обязательно сделает. У малаи много людей, постоянно смотрящих на небо.

– Я пойду с тобой.

– Нет, Лаки. – Он присел и обнял ее за голову. – Построитель уже готов. Найди того, кто заменит меня и поможет Строгору. Это ведь он создал Суперпостроитель, а не я. И защити их от Тысячеликого.

Строгор, кажется, прав, а она – не богиня. Совсем не богиня. Она должна была увидеть слежку за поляной, но не увидела, а человек тот не слишком и скрывался.

Лаки исчезла беззвучно и незаметно. И Строгор, как и всегда, тоскливо посмотрев на небо, решительно пошел к пещере. Какой смысл терзать душу сомнениями, если иного пути нет?

За затвором тошнотворно воняло сгоревшей плотью, и всюду царил неправдоподобная чернота.

– Слышишь, вода звенит? Туда и иди. – Суетился слева Рдмул. – В воду нырять придется. Плавать-то умеешь? Там под скалу поднырнешь, а вода тебя на тот берег сама вынесет. А дальше – щель узкая – с пути никак не собьешься. Да и путь не велик, дед сказывал. Он, как и ты, в камне хаживал, и здесь бывал. Давно, правда.

А и за водой было легче только тем, что под ноги постоянно не попадались недогоревшие трупы страхонцев. Зато от газа едва не выворачивало нутро, и пульсирующая боль разрывала голову. Но он шел и шел, пока не увидел впереди светящиеся фигуры. Если верить Рдмалу, это и есть страхонцы.

Наверное, он сошел с ума:

– А смысл? Меня даже не всем достанется.

– Что можешь предложить взамен? – Страхонцы, оказывается, умеют ментально разговаривать.

– Взамен? Почему вы не выходите на поверхность?

– Отсюда нет выхода, а камень растет быстрее, чем мы успеваем выглодать ход.

– Тогда, я покажу вам дорогу к выходу, за которым много съедобной плоти.

– Что ж, веди. Если выведешь, мы оставим тебя в покое, если нет, съесть мы тебя всегда успеем.

Страхонцев оказалось не так и мало. Странно, как они сами не смогли найти выход, если, кажется, прячутся в каждой щелчке?

Лучше бы он не озабочивался этим вопросом! И ответ не получил, и обрел новые сомнения.

Шли они молчаливо, пока один из страхонцев случайно не зацепился за острие меча. Жуткий визг потряс пещеру, в кою уже давно переросла расщелина.

Бедняге не пришлось долго мучиться, а Строгору стало идти несколько вольготней, хотя такое положение продолжалось недолго, – и вскоре он снова шел в плотном светящемся кольце.

В компании, без спору, веселее, но Рдмул обещал короткий путь. Или предполагал скорое появление страхонцев? А пещера, между тем, раздвоилась. Разошлась под углом в половину прямого. Тут и без того сомнений по горло, а начини гадать, куда идти

Кажется, страхонцы начали активно проталкиваться к нему, и даже красноречивое прикосновение к мечу не уменьшило толкотню. От нервного напряжения тут же заболела правая нога. Точнее, ее стало жечь неимоверно. Правый отрог?

Поворот туда лишь только усилил жжение.

«Да, что это такое?».

Камушек только что не светился, но поворот налево сразу же уменьшил жжение.

– Туда нельзя. – Страхонец решительно заступил дорожку.

– Выход там.

– Туда нельзя.

– Почему?

– Оттуда никто не вернулся.

Логика, надо полагать, железная.

– Потому что нашли выход?

Его вопрос, кажется, поразил всех наповал.

Нет, не наповал: светящийся поток через мгновение устремился в левый рукав.

Но ненадолго.

Вероятнее всего, – или вернее? – там оказался тупик.

– Там нет выхода.

– Там нет выхода.

ТАМ НЕТ ВЫХОДА!

– Ты решил обмануть меня?

«Меня» звучало, как «нас», и, конечно, как «меня».

Надолго ли защитит меч?

Нельзя думать про меч. Нельзя.

– Может, все-таки пропустите меня туда. Я знаю, выход там.

– Нет там выхода.

– Вы так оголодали, что не можете переждать и малое время?

– Мы можем ждать вечность. – Все-таки, получается, у них есть вожак?.

– Тогда, в чем дело? Пропустите меня.

– Все – назад. Освободить проход.

Или вожак нашелся только сейчас, – слишком агрессивно встретили его активность.

– Сначала сам отойди. Он хочет оторвать лучший кусок. Кто ты такой?

– Я тот, кто ему верит.

– Этого мало.

После последнего выкрика толпа неожиданно смолкла, и утекло много драгоценного времени, прежде чем в плотной толпе начался ропот.

– Пропустите нас.

Что случилось? Что означали для них последние слова? Видимо, много, поскольку толпа не только расступилась, но и отхлынула назад.

«А на что ты надеялся?». Если вездесущие твари не смогли найти выход, то

Вокруг однозначно был не кристалл. Впрочем, и кристалл не обещает выход в любой точке.

Умирать нужно в борьбе за свою жизнь, а не дожидаясь, когда твари доберутся до ее края.

Меч уже в руке. Жаль, отбиваться можно только сверху вниз, да колющими ударами вперед.

Надолго ли его хватит? По крайней мере, смертельно устав, он уже не почувствует, как острые клыки вгрызаются в живую еще плоть.

2. Темная сторона

1

Ариут не оставалось ничего иного, как медленно комната за комнатой властно обходить Дворец. Время указаний уже давно прошло, – и Дворец опустел: обычные дела никто не отменял, и за неисполнение их можно и жизни лишиться.

О том, что казнь переносится на завтра, она узнала от Птргера, не преминувшего одновременно упрекнуть, что к ее мнению снова не прислушались. И она уже привычно стерпела еще одну обиду.

Прав Птргер: ее снова не спросились. Или Драм хотел посоветоваться, а она его не впустила?

Хотя вряд ли? Внутреннее содержание Драма не соответствует его наружности. Ариут, разумеется, пугают его надменная холодность и жестокость, но выбора ей, как всегда здесь, не предоставлено.

Ариут стремилась уйти вглубь дворца, а ноги снова возвращали ее к злополучному бассейну, в котором завтра прольется кровь. Завтра, если не сегодня. К своему стыду, Ариут так до конца и не поняла Темную сторону Заставы. Нет, в отличие от татлатов, какими бы они ни были, люд Темной стороны всегда жив и общителен. Правда, пока не отловили на войну. «Там они всегда прячут взгляд. Там никогда не знаешь, станут ли они за тебя стеной, или вонзят нож в спину. А так, нормальные люди, такие же, как и на той стороне». Так сказал Птргер на второй день их знакомства, но на войне Ариут не была, а в районе дворца они – «нормальные люди». А сегодня Птргер открыл новую их грань: «народ может подняться против казни», и «много крови тогда прольется».

Ариут импульсивно схватила дорогую вазу и с размаху метнула ее в бассейн. Драм где-то пропадает, а город заполняют татлаты. «Крови хватит не на один бассейн».

«Зачем это? Зачем?».

Его хватит ненадолго. Ручищи-то страхонцев так и тянутся к нему со всех сторон. Сверху тоже, а его руки уже устали держать меч, и с каждым разом удары становятся все более неверными. И тупеет сознание

Сознание тупеет, но Строгор успел почувствовать возле лица смрадное дыхание и ударить по страхонцу рукоятью меча, а затем

Понимая, что конец уже близок, Строгор наискось сверху вниз нанес последний отчаянный удар.

Права была Лаки: это – ложный путь.

Может ли кто становить движение тяжелого двуручного меча? Строгор не смог, – и меч звонко ударил в стену и

Это было невероятно, но меч... разрезал стену не хуже, чем стекающую по ней смолу.

А страхонцы, отталкивая друг друга и завывая, тянулись к его незащищенной шее.

Как тяжел меч! Он сам, своим весом вспарывая стену, падал вниз, и удержать его не было никакой возможности.

ТЫ ДОЛЖЕН СОХРАНИТЬ МЕЧ. ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО!

«Ага, сохранить? Когда рушится мир?».

Во избежание столкновений Драм решил начать действие до наступления рассвета в свете факелов, хотя татлаты с трудом переносят и этот, мало значащий, свет.

А Ариут к бассейну не вышла, наивно надеясь, что эта кровь никогда не коснется ее пальцев.

«КОСНЕТСЯ. ЕЩЕ КАК КОСНЕТСЯ», – в углу неспешно проявилось лицо той древней гадалки, – и, чувствуя, как начинает леденеть кровь в жилах, Ариут выхватила из складок юбки короткий кинжал и с силой метнула его в изображение.

А в ответ – дикий хохот и веер брызг по всей спальне.

«ХА-ХА-ХА-ХА! УМА-ТО ТАК И НЕ НАБРАЛАСЬ? НУ, НИЧЕГО! УЖЕ СКОРО НАДЕНУТ ЗОЛОТОЙ ОШЕЙНИК И ПОСАДЯТ НА ЗОЛОТУЮ ЦЕПЬ. ПОМНИ ЭТОТ МИГ, БЕЗЫМЕННАЯ. ВСЕГДА ПОМНИ».

– Я – Ариут! – В отчаянии выкрикнула Ариут, всем телом осознавая, как начинаются невозвратные перемены.

«ДА, ПОКА ТЫ – АРИУТ, ЧТО И ОЗНАЧАЕТ „БЕЗЫМЕННАЯ“. НО ЗНАЙ, ПРИДЕТ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НАЗОВЕТ ТВОЕ ПЕРВОЕ ИМЯ».

– Это будет Верика? Строгор?

«ГЛЯДИ-КА, КАКАЯ СКОРАЯ! ВСЕМУ СВОЕ ВРЕМЯ. БЛАГОДАРИ СУДЬБУ, ЧТО МАУРИТА ПОПЕРЕК МЕНЯ СТАЛА, И Я ЧАСТИЧНО ОСВОБОДИЛА ТЕБЯ ОТ СВЯЗКИ С НЕЙ, НО МОЯ ОБИДА И СИЛЫ НЕ БЕСПРЕДЕЛЬНЫ».

– Что-то не пойму тебя.

«А ЧЕГО ТУТ ПОНИМАТЬ? КУКЛА ТЫ! КАК ЕСТЬ КУКЛА. СИЛА ТЕБЕ ОТ МАУРИТЫ НЕМАЛАЯ ДОСТАЛАСЬ, А ТЫ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ НЕ НАУЧИЛАСЬ. ОДНО СЛОВО – КУКЛА».

– Ты же не сказала

«ПОТОМУ И НЕ СКАЗАЛА, ЧТО ПРОВЕРИТЬ ХОТЕЛА, КАКОВА ТЫ. А УЖ КОЛИ И СИЛУ СВОЮ ТЫ НЕ ПОНЯЛА, И СО ЗЛОМ СДРУЖИЛАСЬ, ТО И ГОВОРИТЬ СЕЙЧАС НЕ О ЧЕМ».

– Зачем я тебе?

«Я И САМА ЧАСТО ДУМАЮ, ЗАЧЕМ? МАУРИТА СИЛУ СВОЮ ДАВНО ОТДАЛА. КОМУ, СКОРО УЗНАЮ. ТОГДА И РЕШУ, НАДО ЛИ ВАШИ СИЛЫ УРАВНОВЕШИВАТЬ».

– Зачем? Даугратинья

«ДАУГРАТИНЬЯ? ВОТ ОНО КАК? ПРОСЧИТАЛАСЬ Я, ПОЛУЧАЕТСЯ».

Молчание затянулось надолго, а потом:

«ПРО СТРОГОРА ЗАБУДЬ. НЕ ПО ТЕБЕ ОН»,

– Нет!

«ЗАБУДЬ, ГОВОРЮ. ЗДЕСЬ РАЗОЙДУТСЯ ВАШИ ДОРОЖКИ».

Вероятно, Ариут сделала неверное движение?

«ЗАБУДЬ! А ДОВЕДЕТСЯ СОЙТИСЬ ГДЕ-НИБУДЬ, МИМО ПРОЙДЕШЬ, И НЕ УЗНАЕШЬ ЕГО. ПОНЯЛА? НЕ УЗНАЕШЬ!».

– А если?

«А ЕСЛИ „ЕСЛИ“, ТВОЯ ЖЕ СИЛА ТЕБЯ ЖЕ И УБЬЕТ, ЕСЛИ Я УПЕРЕДЬ НЕ ДОСТАНУ. ТАКОВ МОЙ СКАЗ, – ИНОГО И НЕ ЖДИ».

Рванулась было к ведьме Ариут, а от видения – и след простыл.

Нет, не простыл.

«ЗДЕСЬ НЕ ЗАДЕРЖИВАЙСЯ. ДРАМ – НЕ ПАРА ТЕБЕ, ДА И МИР ТАМ – НЕ ТВОЙ. НО ИНЫМ ПУТЕМ ВЫВЕСТИ ТЕБЯ ОТСЮДА НЕ МОГУ, А ТЕБЕ ЖИТЬ ЗДЕСЬ НЕВМОГОТУ БУДЕТ. И КАМЕШЕК ТОТ НЕ ЗАБУДЬ».

Много вопросов снова нагорело, а задавать некому стало.

Ариут растерянно подобрала кинжал и спрятала его в складках юбки.

«КАМЕШЕК НЕ ЗАБУДЬ»

А ведь могла бы и забыть. Могла бы, как, вообще, забыла про него.

2

Твари выполнили свое обещание, – не тронули его.

Наверное, если бы сознание не отключилось, по-иному все бы пошло. А так?

Очнулся он, когда вокруг шла нешуточная борьба. Или война? Кто на кого нападал, понять в разрывах тумана было невозможно, но догадаться можно. Годятся ли в пищу татлаты? Наверное, годятся. Тем более, после камня.

Морщась от боли, Строгор высвободил ноги от камней и неуверенно выбрался из завала. Посмотрел вверх.

Прямо над ним висела скала с чернеющим отверстием вразмах рук диаметром.

Скала ли? Или гора, на склоне которой ютились убогие строения?

Строгор бесцельно опустил на грудь камней. Он был готов «лбом пробивать камни», и вдруг спешить стало некуда. Полумрак, из которого с завидной регулярностью доносятся то дикий рев, то выразительные шлепки, всего скорее, живых тел, рассеется нескоро.

Но пребывать в безмятежности пришлось недолго: ровно до того момента, когда в многоголосицу «жатвы» вкрался лязг металла по металлу. И разбираться недолго пришлось, –

слишком уж характерными были звуки, слишком знакомы. Так могут звенеть только мечи, и звенели они отовсюду.

Либо страхонцы овладели искусством рукопашного боя, либо

И Строгора с головы до ног окатил холодный пот.

Как это он сразу не догадался, что здесь может быть только одна гора – граница между Темной и Светлой сторонами Заставы, а это означает

А это означает, что он безнадежно опоздал: до Дворца не менее суток гонки на коне. Это, если не будет преград

Теперь его лоб покрыла уже густая испарина: если идет бой, то казнь уже состоялась. То

Строгор импульсивно рванулся на шум, и, ... поскользнувшись на неустойчивом камне, едва не сломал ногу.

«Этого еще не хватало?!». Это немного остудило его пыл и вернуло способность трезво мыслить. Естественно, первым делом он вспомнил про меч. Искал долго, и нашел его, только когда уже отчаялся. Нашел чуть ли не по рукоять воткнувшимся в землю с краю завала, там, где царили нудный знобкий дождь и ветер, одним порывом просветливший и остудивший его горячую голову.

«На разделительном хребте нет селений, поскольку бессмысленно это». Это на Светлой стороне. А на Темной? Вероятно, то же самое. Да, и схватка уже угасала, либо откатывалась в сторону.

Откуда-то с горы пролилась за шиворот противная струя, и Строгор поспешно вернулся под скалу. Туман, конечно, властвовал и тут, но, по меньшей мере, не пробирался под кожаные латы и не нагонял тоску.

– Тут кто-то есть. – Едва понятные слова заставили Строгора вжаться в глубокую щель и ждать, пока троица вооруженных самострелами людей рассматривала кучу камней под скалой.

– А я-то думал, что за грохот ночью приключился. А тут вот оно, что.

– И не говори. Узнают во Дворце, нас и заставят это безобразие убирать.

– А мы не скажем. После ритуала-то эти страхолюдины на войну уйдут, мы и

– Что, мы и? Боюсь, нас тоже на смерть погонят. Ополовинила, говорят, эта напасть татлатово войско. Откуда только она и взялась?

– Отсюда, может, и взялась? – Один из тех кивнул головой наверх.

– Отсюда? Думаешь, их там не осталось?

Они коротко переглянулись и, не сговариваясь, припустили к чему-то высокому и серому, уже маячившему над оседающим туманом.

А Строгора новая полученная информация не то что не обрадовала, но и совсем выбила из колеи.

Казалось бы, все идет так, как надо, но контакт со страхонцами не прошел даром. Сколько их было? Много, не то слово. Но и это МНОГО сгнуло в одночасье в обложном тумане, унеся с собой, если верить тем троим, половину татлатова войска. Правда, у страха глаза велики

И это могло показаться невероятным: не заметил Строгор у страхонцев никакого оружия, а татлаты знают толк и в сабельной схватке. А, если так, то

Рассчитывать на страхонцев, надо думать, не приходится. Более того, их вмешательство уже могло все испортить. На что еще Драм может решиться, узнав об этой напасти? И так ли уж неправа была Лаки, удерживая Строгора от необдуманного поступка? Или глупости?

И такая навалилась на него тяжесть, что он едва не пропустил нового появления здесь людей.

Теперь их было четверо. Остановились в полусотне шагов от завала с взведенными самострелами, – как будто это может остановить страхонцев?

– Думаете, отсюда они пришли?

– А откуда еще? Вчера этого здесь не было. И этих не было.

Говорят громко, но речь снова трудно разобрать, хотя, похоже, люди местные, – не татлаты. Удивительно, сила тяжести на Заставе гораздо меньше, чем на планетах, а люди более приземистые, чем там. Где живут татлаты, Строгору не известно, но они гораздо выше самого Строгора.

Один из пришедших, видимо, отвлекся, – и едва не растянулся в огромной луже. А Строгор-то ее прежде и не заметил.

Бедолага боязливо отошел от лужи и протянул руку в сторону отверстия:

– Оттуда, говорите, пришли?

– Так, и говорим, что оттуда. Подумай сам, татлатов-то здесь врасплох захватили, без шума всех кого загрызли, кого зарезали. Это, уже когда на улицу вырвались, возня началась. Татлаты-то с перепугу друг дружку в тумане убивать стали. Пока разобрались, эти за них и принялись. И там тоже многих порешили. А потом ушли

– Думаешь, сюда?

– Не знаю. Может, и сюда, а, может, в леса. Помню, Сталук рассказывал, что на земле таких тоже встречали. Только там больше животину они убивали. Ночью.

– Наших много погибло?

– А как узнать? Спят еще люди. Сам ведь знаешь. Многие и не ведают, что кровь раньше времени прольется.

– Пролилась уже кровь. – Внезапно подобно грому взметнулся голос особняком стоящего человека. – Али этого мало? Кара это божья на наши головы. Не отстоим безвинных, то же и нас постигнет.

– Замолчи, Альхар. Мы тоже против этой казни, но кто нас послушает? А услышат, нашу же кровь первой в бассейн пустят. Пошли отсюда.

Уже уходя, один из них увидел уже неосторожно открывшего себя Строгора и схватился за самострел:

– Ты кто? Выходи оттуда, и без глупости.

Сопротивляться было бесполезно, и Строгор неспешно вышел из-под скалы.

– Ты кто?

– Думаю, знать мое имя вам не понравится. Погодь, не спеши. – Строгор увидел, как рука потянулась к спусковому крючку. – Я пришел, чтобы спасти безвинных детей. Это вас устраивает? Как? Собственной жизнью.

– У тебя не хватит крови, чтобы заполнить бассейн. – Огрызнулся тот, что готов был стрелять.

– Не спорю, не хватит. Но ее и не потребуется, там нужен иной клей, и у меня он есть.

– Так тебе Драм и поверит?

– Поверит. Еще как поверит!

– Тебя убьют, не дав и рта раскрыть. Или мы сейчас уьем.

– Надеюсь, не скатитесь до такой глупости. Ведь вы не хотите, чтобы ваша кровь была первой.

– Не понял. – Задумчиво протянул строптивый собеседник. – Что ты хочешь этим сказать? Или ты думаешь, что мертвый расскажет то, что подслушал?

– Зачем? Гораздо важнее, что меня узнает ваша Властительница. И как вы тогда объясните мою смерть?

– Ты кто? – А это уже спросил их Старшой.

– Я уже ответил.

– Что мы должны сделать, по-твоему?

– Самое лучшее для вас – незаметно отвести меня во Дворец, а самим удалиться подальше от него.

– Ага, и попасть в прорывной отряд. – А это снова Строптивый.

– Если сделаете все, как надо, война закончится.

– Врешь. Татлаты скоро пополнят свое войско.

– Сделайте все, как надо.

Молчание было долгим-предолгим.

– Хорошо. Допустим, мы проведем тебя. Что дальше?

– Я склею бассейн.

– И это положит конец войне? – Теперь выказал недоверие Молчаливый.

– Ты прав. Это положит конец войне.

И снова – молчание.

– Ладно. Я согласен. Кто не хочет рисковать, могут уйти сейчас. Скажу, что послал вас с поручением.

Ушли двое.

– А ты?

Молчаливый пожал плечами:

– Мне – некуда. И, возможно, моя помощь пригодится. Уходи ты.

– Что ж? Пошли.

3

Эти двое отлично знали Дворец. Отлично означает, что знали, как провести Безумца незамеченным к самому бассейну, возле которого уже плакали бедные ураники.

И над ним величественно возвышался красавец Драм. И

Драм хлопнул в ладоши.

– Да свершится наша надежда, и вместе с нею придут победы. Начали.

Начали. Строгор не промедлил ни мгновения, – и острое меча замерло возле горла Императора.

– Остановитесь. Мне ничего не стоит перерезать это горло, но я не сделаю этого. Отпустите бедных детей, – и за их жизни я отдам свою.

– Много ли стоит твоя жизнь? – Драм все-таки постарался быть на высоте.

– Много ли? Позовите сюда вашу Властительницу, и она оценит ее.

Ариут не приходила слишком долго, – и Строгор начал опасаться, что может отыскаться лихой стрелок, или

– Государь Строгор?

Вопрос прозвучал так звонко, что Драм дернулся, и на его шее проступила капля фиолетовой крови.

– Что тут происходит?

– Этот безумец предлагает свою кровь в обмен на кровь этих недомерков.

– Не кровь, а жизнь. Одну – в обмен на их жизни и жизнь Императора Драма. Разве это мало?

– Что скажешь, Любовь моя? – Император Драм попробовал вымучить презрительную усмешку, но ранка на шее предупреждала, что его смерть гораздо ближе, чем смерть этого безумца, чем

«Что сказала Ариут? Государь Строгор?».

Драм почувствовал, как подгибаются ноги, но с превеликим трудом переборол слабость и сумел устоять.

И опять – тишина.

Наверное, Драм тоже почувствовал опасность, что у кого-то не выдержат нервы:

– Всем опустить оружие! Я сказал, всем. Ну!

С охотой, или неохотой приказание было исполнено.

– Что ты хочешь?

– Отпусти ураников, – и я в твоих руках.

– Отпустить недомерков.

«Как сказала Вероника? Брат знает, куда уйти?». Ушли? По меньшей мере, возле чаши их нет.

– Я исполнил твою просьбу. Что дальше? – Надменно прошипел Драм.

– Не принимай его за недоумка, Великий Император. – Вслед за ним прошипела Ариут. – Сколько времени тебе надо, Строгор, чтобы убедиться, что ураники в безопасности?

Но Драм уже прорычал:

– Никто не осмелится послушаться меня. Я приказал.

– Никто, кроме Императора. Я правильно полагаю, Император? Мне не понадобится много времени, поскольку малыши знают короткий путь.

Разумеется, он не мог быть уверенным, что все малыши успеют сбежать, но приходилось рисковать: а вдруг и у Драма не выдержат нервы.

И он, наконец, убрал меч от горла.

– Заберите у него меч.

– Не надо, Император. – Строгор поднял меч на уровне шеи. – Я – в твоих руках, но этот меч принадлежит только мне.

– Хорошо. Что ты хочешь?

– Выполнить обещанное – срастить дно бассейна. Вы ведь этого хотели?

– Как?

– Не понял вас, Император.

– Что не понял?

– Что, как? Вы решили дно не сращивать?

– Как это не сращивать? Я спрашиваю, как?

– Это моя работа, Император. Мне пора в центр чаши.

Император сначала опешил, потом нервно кусал губы, пытаясь понять, что здесь – не так, и, наконец, прохрипел:

– Иди.

Как это выглядело со стороны? Наверное, малопонятно. Ни резких движений, ни эмоций на лицах, и пусто в груди (по меньшей мере, у Строгора). Наверное, бессознательно он тянул время. А к смерти так и не приготовился. Совсем. Хотя понимал, что задача – неисполнима.

Не...? Строгор шагнул с края твердого основания, – и едва не упал. То, что называлось чашей, оказалось, все лишь, россыпью битого стекла. Оно чутко отзывалось на каждый шаг, норовя выскользнуть из-под ног. Иногда Строгору на мгновение казалось, что там проскальзывают короткие радуги, и снова все становилось невыразительно серым.

Наверное, его решение было ошибкой. Видимо, скоро спохватится и Драм, но

Но Строгор упорно тянул время, давая ураникам возможность уйти, как можно дальше. Строгор давно ждал окрика Драма, а тот прозвучал подобно хлесткому удару кнута:

– Может, хватит испытывать мое терпение? Возвращайся обратно. Твоей крови будет маловато, но к нашему счастью, эти недомерки далеко не ушли.

– А-А-А-А! – Закипая яростью, взревел Строгор, и уже готов был метнуться к Императору. И метнулся бы, если бы ухо не вычленило из многоголосия тихий нежный звон далеких колокольчиков. Точно такой же звон был у колокольчиков, с которыми никогда не расставались ураники. «Получается, их поймали?».

Строгор метнул полный ненависти взгляд в сторону Драма, но там ураников не было.

Слишком больно обожгло ногу, – и Строгор невольно схватился за карман.

4

Наверное, это – первая радуга в этом, лишенном солнца мире, – и Строгор никак не мог оторвать от нее взгляда.

– Достаточно. Будь мужчиной. Выходи к нам.

Строгор вздрогнул, и бессознательно поднял кристалл над головой.

На что он надеялся? Там, на берегу, радуги, всего скорее, и не заметили: слишком мал этот осколок таинственного солнца. Слишком мал, чтобы его такой нестерпимый жар, чтобы ..., чтобы Строгор уже совсем забыл, зачем он здесь, зачем он показывает этим людям этот ос...?

И он не спасет бедных детей, которых привели Колокольчики уже звенели повсюду. Или по всей чаще? Или только в его воспаленном мозгу?

И Строгор, уже не в силах выдержать боль, выронил из обожженных рук горячую каплю. Ему на миг показалось, что капля прошла сквозь него, но, наверное, это – не так, поскольку и боль не угасла, и звон уже поднимался над поверхностью чаши. А так, где разгуливал звон Видели ли на берегу то, что видел Строгор? Любимую картинку детства, – одну из немногих запомнившихся. Ровно так трескучий мороз стягивает осколки льдин на водной глади.

Ровно так. Сначала, – как правило, в самом холодном месте, – переметнулись от льдинки к льдинке тонкие мостики. Но и легкое дуновение ветерка сможет их разрушить. Строгор всегда боялся в этих случаях пошевелиться. Но мороз уже крепчает, – и глаз не успевает следить за растущей во все стороны паутиной льда.

Вначале она, и в самом деле, казалась белоснежной, еще ни кем, и ничем не тронутой паутиной.

А затем

От такого сотрясения паутина должна была раскрошиться. Равно так, как распадается Дворец, из которого начинают врассыпную разбегаться люди.

Чаша снова выскользнула из-под ног, – и на сей раз Строгор не устоял.

СТОЯТЬ!

Как стоять, если нет возможности подняться на ноги, поскольку всю чашу била мелкая дрожь, коя неприятно стягивала все мышцы БЕЗУМЦА.

Кому принадлежит это знакомый, кажется, голос?

КАЖЕТСЯ, ВИДИТЕ ЛИ, ЕМУ? КОМУ НАДО, ТОМУ И ПРИНАДЛЕЖИТ. ТЕБЕ УЖЕ НЕ УЗНАТЬ. ДА, И НЕЗАЧЕМ ЭТО ТЕБЕ. СВОЙ ПУТЬ ТЫ САМ ВЫБРАЛ, – И УЖЕ НЕ СЛЕД С НЕГО СВОРАЧИВАТЬ.

– И, все же, ты – кто?

Вместо ответа – новый толчок.

В ЦЕНТРЕ ВСТАНЬ. ТАМ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ ЛЕГЧЕ.

Строгор и послушался бы, но, когда тяжело поднялся с помощью меча, никакого центра не увидел.

НЕ ВИДИШЬ ЧТО ЛИ? ЦЕНТР – ОН ВЕЗДЕ ЦЕНТР.

– Это? – Строгор в уже разгорающемся блеске сумел разглядеть, – Ой, сумел ли? – вырывающийся из кристалла тоненький, как волосок, лучик.

ВСТАНЬ В ЦЕНТРЕ!

«Но меня уже нет».

ВРЕМЯ УХОДИТ. НЕМЕДЛЕННО – В ЦЕНТР.

«Два шага, Всего два шага».

– Старуха меня не обманула. Он – Бог, Он – Бог! – Этого Строгор не увидел воочию. Сердцем только.

НЕЧЕГО СЕРДЦЕ ПО ПУСТЯКАМ ТРАТИТЬ. ВИДИТЕ ЛИ, В ИСТЕРИКЕ ОНА БЬЕТСЯ? БОГА ОНА УВИДЕЛА. ИЛИ УВИДЕТЬ ХОЧЕТ? ГЛЯДИ. НЕ ОПРАВДАЛА ОНА МОИХ НАДЕЖД, НО И ТЕБЕ ОНА БОЛЬШЕ НЕ НАВРЕДИТ.

– Нет. – Хотел вскричать он, но, все же, увидел, как упала в истерику на лестнице Ариут, и как силком утаскивают ее Драм с двумя охранниками. И еще увидел, как над чашей разгорается солнце.

Странновато видеть себя со стороны. И страшно.

«Сейчас голос, поди-ка скажет: «Если страшно, незачем было и начинать».

А ПОЧЕМУ НЕ СКАЗАТЬ? И СКАЖУ. УХОДИ, ЕСЛИ СТРАШНО. БЕГИ.

– Нет.

ТОГДА, ДЕРЖИСЬ, – МОЕ ВРЕМЯ – НА ИСХОДЕ. И ХОТЕЛА БЫ ПОМОЧЬ, ДА СИЛ УЖЕ НЕ ОСТАЕТСЯ.

– Это же так красиво и так страшно. И непонятно. Как Строгор столько времени мог скрывать в себе солнце? Куда меня тащат? Отпустите же!

Однако, очнувшись Ариут, откуда только и силы взяла, – оттолкнула охранников, и едва не свалилась в бассейн, в котором... Строгор поднял над собою меч, и огонь, им рожденный, начал стекать к острию меча, где уже искрился и разбухал огненный шар.

«Любимый мой». – Откуда только вырвались эти слова? Плевать, что их услышал Драм: эта любовь уже не помешает Императору.

Ариут рвалась к бассейну, но ее уже уводили, и силой усаживали в конный экипаж.

И... все заслонил ОГОНЬ.

Нет, помощь пришла еще раз.

МЕЧ НАД СОБОЙ ПОДНИМИ, – НЕ ТАК ГОРЯЧО РУКАМ БУДЕТ. А ПРО АРИУТ ЗАБУДЬ, – ТЕБЕ ИЗ ЕЕ ЧАШИ НЕ ПИТЬ.

Глава вторая

На подступах к легенде

1. Привет, Бродяга

– Это – Лучник?

Голос молодой, звонкий, – принадлежит, явно, не Воррну.

Но других здесь она не ожидала, – и Лаки неспешно вышла из укрытия.

На тропинке стояли двое: действительно, молодой, кому и принадлежал тот голос, и... Воррн.

Ни того, ни другого Лаки еще не видела, но Воррна описали так подробно, что Лаки ни на мгновение не сомневалась, что это он.

– ЭТО ПАМЯТНИК СТРОГОРУ, ХОТЯ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
В КАКОЙ-ТО МЕРЕ ПРАВ. ЛУЧНИК И СТРОГОР НЕ ПРОСТО ПОХОЖИ.
ЗДЕСЬ ЕСТЬ ПАМЯТНИК И ЛУЧНИКУ, НО СКУЛЬПТОР ВАЯЛ ЕГО
НЕ С НАТУРЫ, – И ЭТОТ ПАМЯТНИК БЛИЖЕ К ОРИГИНАЛУ.

Молодой невольно отшатнулся: Лаки так и не научилась полноценно воспроизводить человеческую речь. Ментально – удобнее, да, к тому же, на трех планетах – десятка два языков и диалектов, – попробуй – изучи. К тому же, вряд ли молодой человек часто беседует с волчицами?

«А ты?

Невольно «унаследовав учение Белого Волка», ты так и не сблизилась даже с малаи, хотя должна была это сделать. Может статься, тогда проще было бы понять этот мир. А он давно уже вылился за рамки пентаграммы. Впрочем, и в ее пределах происходят тектонические изменения. Люди меняются, идет неотвратимая миграция. Честно говоря, и малаи не пора ли открываться миру? Или они уже открылись, а она этого не заметила?».

– Богиня Лаки? Здравствуйте! – Воррн почтительно склонил голову. – Привыкай, Страт. Похоже, на этот раз ты и не такое увидишь.

– СТРАТ? ОН?

– Всего скорее, нет. Рамитарам не нашла точек соприкосновения. Правда, и она не вполне уверена в своих расчетах.

Но и Воррн себя не вполне уютно чувствовал, хотя это для Воррна не ново. Готовясь к встрече с мифической Богиней, он несколько дней вчитывался в писание, кое прислала ему Рамитарам. «С ума сойти!». Все поставили с ног на голову. Правда, Звездочка просила принять все, по возможности, на веру.

«ОНА – ПРАВА. Постарайтесь все принять на веру. Хотя бы главное из того, что я скажу. В стремлении уберечь Кровь и Древних Богов Белый Волк сделал невероятное, но этим настолько усложнил мир, что остается только верить».

– Хорошо. Я – готов.

Ох! Готов ли он был? Ментальная связь обычно проходит весьма быстро, но можно ли за короткое время понять все это: Богов, Белого Волка, Строгора, Са Тала? Лучника, наконец, ...? Рамитарам, отправляя сюда, наговорила столько, что за целую жизнь невозможно переварить.

– Наверное, я поспешил с утверждением. Понять бы основное. – Честно говоря, даже для Воррна, знающего немало специфических цивилизаций, Он невольно покосился на волчицу, но она отнеслась, кажется, к этому весьма спокойно. – Хотя понимаю, что без глубоких знаний понять будет весьма непросто. Если можно, вкратце. В чем состоит наша миссия? Всего скорее, это больше – миссия Лучника?

– Хорошо. – Немного помедлив, вздохнула Лаки. – Действительно, это – миссия Лучника. Хотя и вам надо знать. Дело в том, что планеты, созданные Белым Волком Про них, дамаю, вам известно?

– Да, Драмина, Диамин, Дааммин

– Все гораздо сложнее. Диамин и Дааммин – реликтовые планеты, хотя нужно отметить, что жизнь на них пришла позже Драмина и остальных планет.

– А здесь совсем не понятно. Планеты, как понимаю, за один день создать невозможно, а легенды

– Вы правы. Беглецы пришли не на голое место.

– Но где они жили, если легенды говорят, что... беглецы прилетели сюда, и уже при них звезды разорвали кристалл, и боги создали этот мир?

– Вы совершенно правы. Даже с учетом того, что кристалл был окружен плотным поясом астероидов, вряд ли можно предполагать, что планеты «склеились» одномоментно. На это ушли тысячелетия.

– Но вы?

– Нужно ли в это углубляться? Меня называют богиней, но, если честно, то только потому, что я старше Белого Волка. Правда, хорошо сохранилась, не правда ли?

И все же, давайте, не будем углубляться в споры о заслугах Белого Волка. Подобных сверхмассивных кристаллов, или, как их называют, Кристаллов Времени, на сегодняшний день обнаружено множество, но нет больше ни одного свидетельства, что звезды разорвали хотя бы еще один. Только этот, найденный Белым Волком.

– Значит, Родина Предков малаи где-то рядом?

– Во Время Строгора ее можно было увидеть с четвертой планеты. – Весьма уклончиво ответила Лаки, и Воррн не решился повторить вопрос:

– Драмина, Диамин, Дааммин ..., где же еще две? – И, уже спросив, Воррн понял свою ошибку.

– Четыре. – Поправила Лаки. – Четыре. А где? Строгор, назовем его старшим, жил на Драмине. Строгор младший – на четвертой планете. Са тал ...? Имя Тысячеликий, как понимаю, вам известно. Он потратил столько усилий, чтобы найти его корни, что хватило бы создать свою цивилизацию, но пока еще не приблизился к своей цели. Возможно, он, действительно, родился на планете, условно говоря, Чунов, хотя здесь много спорных моментов. Возможно, на планете, где существовала Империя царицы Рамиты Ра Ма. Их, как вы знаете, посещал уже и Лучник. Посещал ... – Глубоко вздохнула Лаки. – Но мне на них не довелось побывать.

– Почему? – А Воррн уже и забыл о Страте.

– Во-первых, Белый Волк поручил мне позаботиться о Строгоре, а, во-вторых, где они? Скрыты в другом времени? Более чем возможно, но сегодня речь пойдет об еще одной, ради которой мы и собираемся,

– Здесь, на Драмине?

– Здесь. На сегодняшний день только она открыта.

– Но как? – А казалось, что Страт уже заскучал.

– Через Лабиринт. Тем более что Лабиринт признал Лучника.

– Зачем? – Ну, если у Воррна мозги набекрень съехали, то, что говорить о Страте?

– Видите ли, молодой человек? Ах, да, я не сказала самого главного. Три планеты начали активно сходитьсь.

– Сходятся все планеты Конфедерации. – Дополнил, или поправил Воррн. – Демиург считает, что еще некритично, но уже вызывает опасения.

– Боюсь, уже критично, как вы сказали. Скрытые планеты тоже сходятся, и уже более критично. Малаи подозревают, что до точки невозврата остается слишком мало.

– Неужели все может изменить один Лучник? – А ведь и Воррн был готов задать этот вопрос.

– Не он, а Построители Зеркал. Я разве не сообщила, что Лучнику предстоит запустить Суперпостроитель Строгора? – Огорчилась Лаки.

– Нет, вы сказали, что Лучнику предстоит найти пятую планету.

– Лабиринт на ней. Возможно, это и ложный ход, но есть предположение, что именно его и создал Са Тал.

– И там скрыты боги? – Воррн, наконец-то, начал вникать в проблему.

– Да, и Боги. Но прежде – Лабиринт. После Суперпостроителя. Скоро ли прилетит Лучник?

– Трудно сказать однозначно. Как известно, заказанная команда практически собрана, но Гиперпространство, понимаете ли?

– Понимаю. А сейчас прошу простить меня. После того, что вы сообщили о схождении иных планет, мне необходимо еще раз проверить Предсказания. Все может оказаться гораздо хуже.

Они встретились через пять дней.

– Что-нибудь известно про Лучника? – Устало спросила Лаки, но Воррн «услышал» тревогу.

– Они на подлете. Выяснилось что-то новое?

– Из предсказаний – нет. Я, наверное, не сказала, что у этих планет нет стационарных орбит, и при этом место их нахождения можно только предположить.

– Но, если так, то, что говорит о схождении?

– Малаи

– Более точный инструмент? – Воррн и сам не ожидал от себя такого.

– Более точный. – Ответ был настолько доброжелателен, что Воррн смутился. – Вероятно, вы готовы спросить, а почему малаи не запустят Суперпостроитель? Не могут. И дело не в Предсказаниях, хотя построение Суперпостроителя Строгором было предсказано не одним Предсказанием. Не готовы.

– А Лучник? Разве он готов? – Воррн начинал уже нервничать от непонимания и сомнений.

– Не готов. А теперь – к главному.

– Лучнику предстоит пройти по пути Строгора-младшего.

Этого еще не хватало! Пройти по пути Строгора?

– Это как? Строгор же погиб?! – Воррн уже был готов, и имел право отменить операцию, – тем более сто все основывается на Предсказаниях и догадках.

– Да, Строгор пропал. И никто из людей больше его не видел.

– Из людей? Значит, он жив?

«Из людей. – Подтвердила волчица. И далее с расстановкой. – Из лю-де-й».

И Воррн едва выдержал ее испытующий взгляд.

– Дело в том, что кое-кто на фиолетовой заставе видели, как вслед за ним нырнула в воду Илиль.

– Илиль?

– Да, Илиль? Вы ее знаете?

- Нет. Кто она?
- Это неважно. Важно то, что он был жив после того, как зажег солнце.
- Это точно? Или тоже легенды?
- Я поняла вас, Командор. Фиолетовая Застава закрыта
- То есть Строгор пропал там, в огне? И вы считаете, что я должен отправить его в огонь? Ни за что! Пройти сквозь пламя? Это же нереально.
- Нереально. Но есть возможность ввести Лучника в образ Строгора до Солнца, открыть и запустить Построитель.
- Не проще ли – в образ Строгора-старшего?
- Войти в образ призрака? Нет, не проще. Возможно, этого и не понадобится, если Лучник уже входил в Построитель.
- Разошлись они в тяжелом настроении.

2.Отчаяние

«Молот» легко пробил район, занятый звездной бурей, но, хоть и долго Раунграсс искал посадочную площадку, приземлились в указанное время.

- Ну, привет. Бродяга. – Воррн легко спрыгнул наземь, и побежал навстречу Лучнику.
- Какое Бродяга? Скорее, разжиревший от безделья домосед.
- Забыв про остальных, они долго тискали друг друга в объятиях, и их никто не торопил. Да, и торопить, собственно, некому: Рамитарама, Даугратинья, и еще два незнакомых Воррну человека.

Воррн не слишком привечал незнакомцев на борту, поэтому первым делом спросил без обиняков. – Это кто с тобой?

- Я понял тебя, Командор. Сам я этих людей не знаю, но их отправила Рамита.
- Рамита? Зачем? По делам Храма?
- И да, и нет. По просьбе какой-то Лаки.
- Лаки, говоришь? Ладно, разберемся. Даугратинью она тоже ждет. Ты-то в курсе, зачем здесь?
- Как всегда, в общих чертах. А где Лаки? – Лучник осмотрелся по сторонам.
- Она решила, что сегодня вы не прилетите. А что, есть повод спешить?
- Пока летели, Звездочка отыскала что-то такое в своих табличках, что эти два молодца чуть в обморок не попадали.
- Снова эти таблички? – С показной сердитостью проворчал Воррн и тут же добавил. – Сейчас позову.

Сейчас протянулось до полудня, а, когда Воррн увидел Лаки, сердце его екнуло: раненная волчица бежала, тяжело припадая на левую переднюю ногу.

- Что стряслось, Лаки?
- «Похоже, мы опаздываем. Сюда движется цепь охотников с полусотней стволов. Мне удалось прорваться, но это, думаю, только ускорило их ход».
- Все – в рейдер. Раунграсс, второй ретранслятор – на среднюю мощность. И зонд
- Зонд поднят с момента прибытия, Командор. Но у нас будут проблемы. На одной из машин едет сам Ре У Доникар.

- С оружием?
- Да, да еще и с автоматическим.
- Тогда приготовь еще и третью, но в дело пока не пускай.
- Не понял, шеф.
- Пора связывать ему руки. – Воррн неприязненно посмотрел на экран. – Экраны все целы?

– Обижаешь, Командор. Разумеется, все. Левшур, ты готов?

Воррн пристально смотрел на экран, а потому не дослушал последнюю реплику Раунграсса.

Каково же было его удивление, когда увидел всех, – и себя тоже, – на лужайке перед рейдером.

Спрашивать было некогда, поскольку с машин уже открыли беспорядочную стрельбу по мечущимся по поляне людям. Не прошло и минуты, когда все было окончено.

– Я же просил оставить Лучника в живых. – Воррн забыл имя этого представителя Храма Марены, но лицо запомнил хорошо.

– Зачем он вам нужен? В любом случае его нельзя было оставлять в живых. – Рат У Доникар легко выпрыгнул из машины и, не выслушав храмовника, пошел к трупам.

Дошел он только до трупа волчицы. Воррн хорошо видел, как начинает вытягиваться его лицо, смешно преобразаясь из холеного в мордочку мелкого шкодника.

– Что здесь происходит?

– Всем немедленно положить оружие на землю. Вы все арестованы, и будете переданы Высшему суду. Левшур, включай третью установку.

Картинку на экранах можно назвать смешной. Бросившиеся бежать охотники один за другим прекращали бег и безвольно столбенели, ожидая свое пленение. Но Рат У Доникар снова избежал наказания, теперь – навсегда. Он медленно поднял к виску карманный пистолет, и разнес себе голову на мелкие куски.

Из кабины выглянул Раунграсс:

– Что-то не так, Командор?

– Жаль, не узнаем, кто его сюда направил. Все остальное – в лучшем виде. Откуда у вас такая причуда?

– На Земле по случаю приобрел. Уже в третий раз используем. Мне нравится.

– Мне – тоже.

– Воррн, ты обещал связаться с Лаки. – Не отрывая взгляд от иллюминатора, прервал их беседу Лучник. – Не нравится мне, что храмовники нас здесь увидели.

– Мне тоже, но этого уже не отменить. А Лаки давно здесь. Разве ты ее не видел? Сейчас Рамитарама обработает раны, и она выйдет.

– Это?

– Да Лаки – это Волчица, богиня малаи. Твоя, кстати, богиня. – Воррн легонько уколол друга, но тут же отступил. – Ладно, ладно. Малаи, как я понимаю, редко вспоминают богов.

Лаки вышла к ним примерно через полчаса и сразу же направилась к Лучнику.

«Храм Марены, надеюсь, вы уже связали, но Храм сам по себе не так опасен. А, вот, то, что Тысячеликий снова здесь, это уже плохо. Плохо, но придется рисковать. Ты уже знаешь, что тебе предстоит?»

– Только в общих чертах и на уровне непонимания. – Лучник ответил смущенно и, тяжело преодолевая неловкость от общения с Лаки. – И совсем не понимаю, что мне делать.

«Пока делать ничего и не надо. Выполняй все, что скажут Рамитарама и эти парни».

– Нам уйти? – Воррн понимал, что он с Раунграссом здесь будут лишними.

«Нет, вы нам не мешаете. И, мне кажется, вам будет полезно узнать эту информацию»

Воррн остался и с удивлением наблюдал, как, горячо обсуждая, к Лучнику подключали десятки различных проводков, а затем

Ярко вспыхнули несколько лучей, и посреди отсека... появился еще один Лучник, (или Строгор?).

С голографией Воррн, в общем-то, знаком, но сейчас чувствовал, что здесь что-то не то. «Не то – оно и в Африке – не то».

Ибур. Как он там?

Между тем, голограмма, – что Воррн пропустил? – слилась с Лучником и

Воррн готов был закричать, но

Лучника охватило яростное пламя, и

О боги! Лучник не шевельнулся. Жив ли он?

Наверное, он должен был уйти. Даже Лаки, кажется, омертвела. А Лучник? Видимо, он давно был мертв. Но

Воррн сдался. Бороться с тем, что не понимаешь, чаще всего, себе дороже. Что это было? Он не раз сталкивался с мыслью, что его жизнь четко делится на два периода: до встречи с Лучником и Второй период полностью изменил его жизнь и его самого. Еще одна неожиданность: став Командором, и, фактически, поднявшись до вершин власти, он неожиданно понял, что жизнь идет к завершению: пришли иные ценности, ориентиры. Пришел ЛУЧНИК. И все изменилось.

Наверное, или всего скорее, он не смог бы так гореть, не смог бы

И все же Воррн остался на месте.

Зато, Лучник

Все-таки он умер. Душа медленно отделилась от тела, и... истаяла в полумраке отсека.

Что за диво: меч раскалился добела, но руки еще способны удержать его над головой. И подумать только: от жара один за другим вспыхивают предметы инкрустированной золотом и самоцветами мебели, и одежда на Строгоре дымится, но он все еще жив.

Прикрываясь всем, чем можно, от огня, Драм и его охрана, залучив Уриту в крытую повозку, удирают прочь от столицы. Строгор отрешенно смотрит им вслед, и даже удивление, что как на ладони видит их искаженные от страха лица, оказалось таким же отрешенным.

«Где ураники?».

Малышей он не увидел, но если татлатам не до них? Конечно, не до них: Строгор хорошо видел, как серо-зеленая масса пришла в движение, – точнее, в бегство, едва повозка скрылась за хребтом.

И, – этого он мог и не усмотреть,

весьма приметное лицо то ли недоуменно, то ли удовлетворенно смотрело вслед удирающей армии. Тысячеликий?

Это, действительно, был Тысячеликий. Разумеется, в попытке предотвратить неуместное вторжение татлатов он не ожидал, что все так закончится. Да, Мир с ним, этим бегством, Строгор – главная беда: он снова ушел, и теперь, совсем порушив все ожидания. Это не был огонь, не было пламя, – так рождаются Звезды, а из их, – имя этому – ЯРОСТЬ, – притяжения уже не выйти, даже если очень хочешь. А Строгор, – ощутил Тысячеликий тоскливо, – не хотел, никак не хотел выходить.

И, понимая, что Застава может снова закрыться. Тысячеликий метнулся к Проходу.

Невероятно, но огонь его не удерживал, и... Лучник шагнул из всепоглощающего пламени. Нет, какое-то время Пламя удерживало его в своих объятиях, а затем выбросило, как отработанное топливо.

С этим ощущением Страт и очнулся на берегу. Почему он не понял этого прежде? Потому что следует следующий вопрос: «А зачем?»? А затем кто-то ответит: «Твой путь замкнулся»?

И что? Это тоже было? Когда?

Неимоверная жара наполовину высушила Черпак, и

Этого никто не должен знать.

Главный Контур раз....

– Что там про Главный Контур?

– Какой контур? Главный? В конце концов, что это такое? Вы хотите услышать ответ от мальчишки, которому

– НЕТ ВРЕМЕНИ

Очередная волна, все же, догоняет воду до босых ног.

ВОДА НУЖНА ЧЕРПАКУ, ЧТОБЫ ЗАПИТАТЬ

– Что запитать? Главный Контур?

– Возможно, но никто не знает, где он.

– Сначала надо знать, что это.

– Это понятно. Главный? Здесь нет сомнений. Контур? А это – понятие растяжимое.

У женщин, например, есть контур глаз.

– А у мужчин?

– У мужчин? Хм? У мужчин больше – рельеф.

– Значит, это – не мужское.

– Не отвлекайтесь. Главный Контур – понятие чисто техническое, а значит

– Активированная вода – идеальный контур для Построителя.

– Фи, эвон куда загнул. На Заставе этого не скажи, – все решат, что ты – не совсем в порядке. Потом объясняйся, зачем я тебя из воды вытащила.

– А честно, зачем?

– Пожалела тебя, неразумного. – И щеки девушки покрылись ярким румянцем. – А мне и без этого проходу не дают. Все, кому не лень, спрашивают: «Где же ты, Илиль, свою любовь оставила?»

– Любовь?

– Больно надо. – Девушка капризно подернула плечами. – Ушел, – и «До свиданья» не сказал. Где ты все это время был? Хоть как-то бы восточку послал.

– Не помню я ничего, Илиль. Честно, не помню. Меня долго не было?

– Ужас, как долго. Я уже оплакивать тебя устала.

– Оплакивать?

– А то, как же? Такой огонь был, что глаза видеть не могли, а потом ты и пропал. Ты, и вправду, не помнишь?

– Не помню.

3. Застава

– Что же это делается, Друд? В прошлый раз парня в беспамятстве нашли. – Осуждающе качал головой Арон. – Еле ведь выходили. Так сейчас еще хлеще: жизнь-то в нем, не пойму, как и держится. Али снова его в баню? Если что, так маленько отойду, – попарю.

– Я пойду. – Решительно поднялась из-за стола Илиль – как отрезала.

– Да, это как же? – Вскинулся, было Арон. – Это же мысли....

– Иди, дочка. – Коротко сказал Друд – тоже как отрезал. – Коли решила, я согласен.

– А мама? – Теперь, слишком легко получив благословение от отца, стушеввалась сама Илиль.

– Мать поймет.

И Илиль, словно на крыльях, упорхнула.

– Осуждаешь? – Проговорил Друд, низко опустив голову.

– Нет. Само собой вырвалось. Илиль знает, что делает. Порой и я рядом с ней ребенком себя чувствую.

– А я, вот, засомневался. Выдержит ли ее сердце, когда снова он уйдет. – Потерянно проговорил Друд.

– Ты думаешь, он уйдет?

– Уйдет. Тесно ему здесь. Строгора-то Государем кличут.

– Государем? Это что же с ним сделали, что память отказала? – Арон невольно привстал со скамейки. – Это надо же – Государем. А то я смотрю, меч у него особенный. Дорогой меч.

– Не в мече дело. Жару-то в бане хватит?

– Еще как хватит. Как бы не упарились? Вдвоем-то.

Напрасно Арон опасался. Не скоро вышли Илиль и Строгор из бани, и Строгора хоть и пошатывало, но шел он сам, – Илиль только слегка поддерживала его, когда он спотыкался на неровностях дороги.

– Ну, как он? – Пытливо посмотрел на Илиль Арон.

Она вспыхнула от стыда, но ответила, не скрывая радости:

– Живой он, и сильный. Очень. Значит, вернется к нему и память.

Илиль не отходила от Строгора ни на шаг даже в кузнице, о существовании коей, удивительно, но уже на следующее утро Строгор вспомнил. Но на сей раз долго примерялся, – боялся, что забыли руки кузнечное дело.

А вечером Илиль смотрела на кровоточащие ладони и плакала.

– Больше туда я тебя не пушу.

Как же, не пустила? Да, и мягкими казались ладони, когда он прижимал Илиль к себе.

Так бы счастье и было вечным, когда бы

– Строгора какой-то человек разыскивает. Видный такой. – Арон шел и опасливо оглядывался на ходу.

Ох, и полоснула по сердцу Илиль злюка-тревога.

– Не мог сказать, что нет его на Заставе? – Осуждающе вскрикнула она.

– Сказал, да, видно, кто-то опередил меня. Не прост этот человек, – глаз один прищурил – а меня такой озноб прошиб, что и с места сдвинуться не могу. Он-то кругом пошел, а я напрямки. Да, вон он идет. Пойду я народ сюда собирать, – как бы беды не приключилось.

А Илиль – ждать совсем невтерпеж. Метнулась наперерез тому человеку:

– Кто таков? Не время чужому по Заставе шастать.

– Откуда ж мне время знать, красавица? Может, и не время, да ждать некогда. Строгора я ищу.

А она имя меж ушей пропустила:

– Себя-то не назвал-таки.

– Строгору мое имя известно.

– Может, и известно, да где Строгора взять? Только раз здесь и появился.

– Это кто – такой Строгор? – Выпал из-за угла, пошатываясь из стоны в сторону, пьяный Валят. – Это тот, кому я бока хотел намять?

– Ты? Намять? – Тут же вплелась в игру Илиль. – Если бы не отец.

– Это точно. Если бы отец меня не запер, я бы ему. – Набычился Валят. – Не думай, что, если он молотом горазд махать, то справился бы со мной. – И, словно протрезвев. – Не жди, Илиль, Он больше не вернется. Что ему заставская девчонка, если там такие красавицы за ним табунами ходят?

– Все одно, твоей не буду. – Топнула ногой Илиль. – Усы сначала вырасти.

– Усы? – Захлебнулся он обиды парень – в сторону метнулся.

– Чего это он? – Удивился Чужак.

– К Строгору приревновал. – Равнодушно отмахнулась рукой Илиль.

– Так он, все же, здесь?

– В тот раз еще. – И все было в голосе Илиль: и любовь, и обида, и тоска.

Тысячеликий нашел парня у воды.

– Крута девица.

– Все одно, моей будет. Не вернется этот Строгор больше сюда. А, если надумает, никто меня не удержит, – прочь прогоню, как пса блудливого.

– А мне сказали, что он сюда направился.

– Пусть только появится, будет знать.

– Неужели краше не нашел? – Тысячеликий, как бы невзначай, оглянулся туда, где оставил девицу. – И нрав, чувствую, – еще тот.

– Доктор говорит, изладится ее лицо. Это оно таким стало, когда она с Заставы его провожала.

– Ждет его?

– Эх, да, что тут говорить? – Схватился за волосы парень. – Веришь, с того времени спать не могу?

– Бывает. – Вздохнул Тысячеликий. – Если он появится, скажи мне, – и я обещаю, больше его здесь не увидите.

– Думаешь, появится? Ладно, скажу. Где тебя искать-то?

– Вон, в той домушке. – И Тысячеликий показал на строение возле горы.

– Ну, Валят, и молодец ты. – Чмокнула его в щеку Илиль. – Это надо же такой спектакль сыграть.

«Эх. Знала бы ты, любовь моя, сколько правды в том спектакле было. Все бы сделал, чтоб ты моей была. Все бы сделал, да, не могу поперек твоей любви вставать». А щека все-равно пылала от ее поцелуя.

– Отец, я должна уйти.

Как ни ожидал Друд эти слова, все равно, они застали его врасплох.

А она торопит:

– Чего молчишь, отец. Если считаешь, что я должна остаться, я останусь. Только не молчи.

– Счастью твоему я перечить не могу, хотя и не уверен, что будешь счастлива там, на планете.

– Не могу я его одного отпустить, а и оставаться ему здесь нельзя.

– Сейчас сердце твое говорит, а не разум. Может, именно здесь Строгор и в безопасности.

– Он сам уйти хочет, говорит, не может на Заставу беду накликасть. – А глаза Илиль на мокром месте были. – Не хочет меня он с собой брать.

– Может, его и надо послушаться? Он же о тебе заботится. Я тоже думаю, что лучше тебе здесь переждать.

- Дитя у нас будет.
- Не рано ли дитя-то почувствовала? – Растерялся отец.
- Почувствовала.

Тысячеликий всегда спит чутко, – тем более, сейчас, когда чувствуешь, что Строгор где-то рядом.

Парень, похоже, говорил правду, а, вот, девица? Слишком яростно она встретила его на подходе в селение. Жаль, не спросил у парня, кто она такая?

Впрочем, и досада за себя не проходила: слишком часто в последнее время стал делать необдуманные шаги. Нет бы, выждать, понаблюдать со стороны, так, нет, сунулся в селение, где все друг друга знают. Застава – одним словом. Враг не пройдет, а он, как ни верти, враг, и, если есть здесь хоть один ясновидец Разговаривать тут долго вряд ли будут, – достанут из самострелов, – и поминай, как звали.

Жилище, в коем он поселился, всего скорее, когда-то служило наблюдательным пунктом. И весьма удобным, – можно наблюдать вкруговую, не обнаруживая себя, можно в яму спрятаться, если окружили.

В яму-то чуть, было, и не пришлось нырнуть. Как и удержался? Еще бы: глянул в окошко, – а возле избушки обосновались... татлаты. Немного: голов полста, наверное. Ладно, что в избушку сразу не заглянули, но это уже от их привычки, – бояться, что любое помещение может оказаться ловушкой.

Тысячеликий вознамерился уже выйти, но увидел, что татлаты начали быстро растекаться по окрестности – прятаться.

Вот, тебе и – Нате! По тропинке, весело переговариваясь, движутся та девица и... Строгор.

Времени на расчеты не оставалось. Любое решение, всего скорее, будет неправильным.

Самострелов и огнестрелов у татлатов он не приметил, но это вовсе не означает, что его у них нет, а посему первый порыв, выйти этой парочке навстречу, может оказаться губительным, как для него, так и для Строгора.

Дать парочке дойти до татлатов? Не справятся вдвоем против полусотни.

Впрочем, Строгор ли это? Не мог человек выжить в том пламени. Сотни шагов не успел тогда дойти Тысячеликий, а, если бы дошел, то что бы смог сделать? Лучше рассмотреть, как скручивают тело человека незримые силы, что напрасно сопротивляется им человек, упрямо удерживая над головой раскалившийся меч?

Но это Тысячеликий и с сотни шагов рассмотрел, и даже увидел, как в последний момент

А видел ли, или хотел видеть? Никто больше не подтвердит, что над чашей неожиданно образовалась золотистая воронка и, втянув тело Строгора, осела на чашу, – а порыв ветра разом разметал над городом золотые искры.

«Нет, не разметал», – встречный человек казался безумным: «Скрутил ветер искры в золотую карусель метели, и унес их в, открывшийся только ему, проход в светлый мир».

Тысячеликий прошел, было, мимо, но понял-таки, что не безумными были глаза человека.

- Где же этот чудесный проход? – Догнал чудака Тысячеликий.
- Он – перед тобой, но нет туда ходу незваному.
- Ты – туда?
- Я – тоже незванный.

Но Тысячеликий уже знал, на какую Заставу ведет тот проход.

И, все же, прав был человек: не был Тысячеликий званым. И выход у него был только один: бегством спастись, Драму уподобляясь. Но и на это он уже опаздывал: все сильнее рукотворное солнце распалось. Одно спасение: забиться в глубокую пещеру и надеяться, что не вековечным будет солнце.

Вот, когда не рад он был своей вечности: вся пещера сотрясалась от глубинных толчков и сыпала на свое дно лавины камней, надменно угрожая устроить своему пленнику вечный склеп.

И Тысячеликий струсил так, как еще никогда не было. В полной темноте бежать куда-то было бессмысленно, но он куда-то бежал, падая и разбивая в кровь все, что можно.

И все-таки чувство самосохранения его не покинуло. Когда же наступила оглушающая тишина, он, как ему показалось, услышал начало последнего толчка, и инстинктивно вжался в стену.

Что было дальше, он уже не слышал. Наверное, потерял сознание, а, когда, побитый, как бродячая собака, очнулся на берегу пруда, не мог поверить в свое спасение.

Название Заставы он прочел на стоящей неподалеку табличке, – и это ввергло его в долгое сомнение, поскольку таких совпадений не бывает.

Впрочем, не должно быть здесь и татлатов. Никак не должно. Но они здесь были. И Строгор с девицей недалеко от них остановились: толи опасность почувствовали, толи Было во всем этом что-то ненастоящее.

Не впервые Тысячеликий чувствовал, что что-то играет с ним в какую-то хитрую игру, но настолько сильного чувства еще не было.

И, в любом случае, он эту игру ПРОИГРАЕТ.

Этого еще не хватало: откуда-то сверху сорвался камень, и, отскочив от уступа, угодил прямо в щель, и... больно ударил в правое плечо, да так, что рука разом занемела.

И... не случайным был камень, – с горы скатывались татлаты.

– Илиль, беги, поднимай Заставу. – Выхватывая из-за спины меч, крикнул Строгор. – Быстрей, мне долго их не удержать.

– Я – с тобой. – Впервые увидев татлатов, Илиль, разумеется, не понимала, насколько они опасны.

– Беги, Илиль – нам вдвоем их не сдержать.

– Побежали вместе.

– ИЛИЛЬ?! – Взмолился Строгор. – Застава.

Последний клич сработал, – и Илиль, что есть мочи, метнулась к Заставе.

Но и Строгору пришлось отступать: глупо оставлять спину неприкрытой, а вблизи – ни скалы, ни дерева стоящего.

Глупо, конечно, было отступать к воде, но это дало небольшую отсрочку: увидев воду, татлаты так возликовали, что уже не спешили расправиться с противником. Более того, многие прямо в одежде сходу бросились в воду, – и никакие окрики не могли их остановить.

Всего лишь отсрочку: все-таки десятка полтора воинственно настроенных татлатов окружили его полукольцом, и были готовы ринуться на него. Не хватало, видимо, только команды?

Впрочем, «Смотрины» продолжились недолго, и один из татлатов короткими жестами приказал Строгору положить на песок меч.

– Нет. – Строгор гордо поднял голову, – и еле-еле сумел отразить удар татлатского... меча. Вообще-то, меч – весьма нелюбимое оружие у татлатов. Возможно, за их хрупкость, или вес, – и это при силище-то их владельцев? Впрочем, как известно, и сабле они предпочитают двух-трехметровые дубины

Удар был неотразим, – и татлат, похоже, никак не ожидал, что противник уцелеет. И не только уцелеет, но и нанесет ответный удар. Каково же было его изумление, когда оттуда, где только что была рука, брызнула серая кровь.

Серая кровь? Это было для Строгора весьма ново: до сей поры у татлатов была либо желтая, либо зеленая кровь.

И ..., как правило, татлаты умирали, молча, а этот завопил так, что купальщики бросились к берегу.

А дальше

Строгор не понял, почему окружающие его татлаты всеором отхлынули от берега, – оглянулся, и только тогда услышал истошные крики. От воды!

«Что там Илиль говорила про воду?».

Забыл, и потому удивился тому, как рвутся из воды купальщики, но их утаскивает обратно неведомая сила. И это ...?

Это оказалось его глупой ошибкой. Он не сразу заметил, что к нему метнулись два татлата. Атаку левого он еще сумел отразить, но вверх уже взлетела другая сабля

4.Без удержу

«Остановитесь немедленно! Немедленно, я сказала!».

Лучник возвращался слишком медленно.

– Он жив?

Нет, Рамитараму к нему не подпустили, но она, все же, смогла заметить, что Лучник пошевелил левой рукой.

– Почему прервали сеанс?

– Почему, спрашиваешь? А ты на свое плечо смотрел?

Лучник видел, что Лаки, как заведенная, мечется по узкому проходу отсека, но что все-таки случилось? Плечо?

Ну, и что с ним? И Лучник не поверил своим глазам: кольчугу, от которой он всеми силами отказывался, пересекала глубокая вмятина.

– Теперь видишь? – И в шаге до истерики. – У Строгора были только кожаные латы. Понимаете, только кожаные латы?

Ну, да, Лучник теперь ощутил и неявную боль в плече, но так, и не мог понять, почему остановили сеанс: у него-то была кольчуга.

– Была. – Несколько растерялась Лаки, но скоро нашла ответ. – Это судьба Строгора, а не Лучника. Исход должен быть один и тот же. Строгор – мертв.

– Даугратинья убеждает, что ты должен был погибнуть, а эта вмятина – Воррн понимал, что попытка утешения может привести к обратному эффекту, но у Лучника было такое лицо, что

– Разве обо мне речь? Этот случай не относится к разряду тех, когда и отрицательный результат – тоже результат. Видимо, Лаки тебе не говорила, что этот мир висит на волоске.

– По-моему, и ты с нею не разговаривал? – Воррн все еще чувствовал неловкость от этого происшествия.

Лаки исчезла, как обычно, незаметно: просто, растаяла в воздухе, бросив на прощанье: «Без меня ничего не предпринимать». После раздраженного разговора с Даугратиньей.

А у Даугратиньи, оказывается, имелось основание опасаться гнева Богини-волчицы: книга, кою хранила Даугратинья, пропала. Давно, – кажется, тысячелетие назад. Кажется. Всего лишь, кажется, но это случилось так давно, что стерлись следы, кои и стереть-то невозможно.

«Кому ты показывала эту книгу?», – вопрос был задан таким тоном, что основание опасаться только укреплялось. Да, и как ему не укрепляться, если Даугратинья доподлинно знала, что Лаки погибла, – и ее пепел развеян по ветру. Но сейчас Даугратинью допрашивало, отнюдь, не привидение.

– Ему.

«Ему? Как ты смела?».

Нет, Лаки не метнула в Даугратинью молнию, но и выкрика было достаточно, что «потомственная ведунья» почувствовала свою никчемность.

– Вряд ли он что-то там успел высмотреть? – И, уже проговорив «детское» оправдание, Даугратинья все поняла.

«Кстати, чем ты обидела Ленарис?».

– Не я, а Маурита.

«Даугратинья?! Ленарис во времена Мауриты еще не было».

– Ленарис, как тебе известно, – их мать.

«Мать Строгора».

– Их мать, Великая Богиня.

«Это ты прочла в сей книге?», – догадалась Лаки, – «И это видел Тысячеликий?».

– Прямо про это не было сказано. – Понурилась Даугратинья. – Но Он способен догадаться. – И добавила. – Сопротивляться я не буду.

«Я надеялась, ты все поняла. Твоя жизнь сегодня нужна для того, чтобы исправить ошибки, а не каяться».

– Я не знаю, где Его сейчас искать. – Теперь Даугратинья совсем сникла.

«Мне не Тысячеликий надобен, а Книга. И взять ее нужно так, чтобы он не успел ее уничтожить. Предоставь уж эту возможность мне».

– По тебе вижу, что ты что-то намерен предпринять. Лаки запретила что-то делать. – Еще заканчивая фразу, Воррн уже понимал, что это он не прав, и Лучник поступит так, как считает нужным. – Что ты решил?

– Вернуться к последнему моменту.

– Но?

– Ты сам видел, что сабля не разрубила наплечник. – Лучник возразил таким тоном, что по спине Воррна пробежал знакомый холодок.

– Без кольчуги я тебя не отпущу. – Но Воррн снова почувствовал, как слаб будет его аргумент.

– Строгор сильно ранен, и я оставлю наплечники.

– Нет!

– Да, Воррн, да! Знаешь, меня сильно удивила Звездочка? Она сказала, что там не должно было появиться мое физическое тело, а оно было там. И, возможно, появление кольчуги отвлекло Строгора и помешало ему отразить второй удар.

– Ну-ка, ну-ка? У Строгора были наплечники?

– У него они вшиты в латы между слоями кожи. А у меня – не кожа, а броневая синтетика. Поверь, все будет нормально, и меня вытащат оттуда при любой опасности.

Видимо, напрасно Воррн надеялся, что Лучник не проведет его?

– Почему Лучник заменил свой «броник» на старые латы? – Увы, выкрик Звездочки уже запоздал. Более того, для того, чтобы вытащить Лучника не хватило именно этих секунд замешательства.

Как ни легка сабля татлата, но в удар была вложена вся мощь. Лучник видел, как легко лопаются на плече верхний слой кожи лат. Как ни искусен был Кожемяка, но «ТАТЛАТ ПРИ ПРАВИЛЬНОМ УДАРЕ СПОСОБЕН РАЗРУБИТЬ КОЛЬЧУГУ».

И все же, металлическая пластинка наплечника и нижний слой кожи дикого быка выдержали удар, хотя острая боль мгновенно обездвижила руку, – и тяжелый меч плашмя упал в воду.

А затем

Свет заслонила громадная фигура татлата, и на Строгора навалилась тяжелая туша.

Эти мгновения показались вечными и полными непонятных ощущений.

Но сначала от тяжелого удара перехватило дыхание, и поблекло и размножилось сознание. Впрочем, точно такое же ощущение было после удара сабли, когда под саблей прогибалась кольчуга, ко.... Которой на нем не было. И... он внезапно увидел татлата сверху и снизу. Одновременно. Татлат уже тяжело пролетал над ним вслед за саблей.

Два крыла уже схлестывались над Строгором, когда толчок еще одного крыла в спину на мгновение вырвал ее из объятия тех, первых, наверное, чтобы

5. Сухая вода

Илиль чуть-чуть опередила Передовой отряд, но не успевала уберечь Строгора, который уже погружался в воду.

«Ей же нельзя в воду. Не на...».

Воде – какая разница: одно подношение, или два? В ее крыльях может уместиться много. Или это не крылья? И не волны? И не

Падение было долгим. Дольше, чем в Черпак. Черпак? Почему Черпак?

Илиль поймала Строгора, но Вода больше не поднимала наверх. И Илиль испугалась. Не смерти испугалась: к смерти на Заставе приучают с колыбели. Испугалась безумия: его-то на Заставе боятся больше всего. А Вода чаще всего наделяет им тех, кто рискнул полезть в воду. Но это, кажется, больше не имеет никакого значения?

ВСЕ ЖИВОЕ ВЫШЛО ИЗ ВОДЫ, В ВОДУ И УЙДЕТ.

Не это ли часто говаривал дурачок Свирд? А еще он рассказывал про говорящих рыб, но сейчас рядом никаких рыб не было. Строгор? Нет, Строгор все еще пребывает без сознания. Рядом только трава, но если слышишь траву

Травы было много, и, выбираясь из нее, Илиль едва не потеряла Строгора.

«А где тот татлат?», – несколько запоздало вспомнила Илиль. Его она глазами так и не нашла, зато, увидела, как далеко «внизу», «играя» вольной рыбке подобно, падает меч Строгора. На Заставе самое страшное – потерять оружие, тем более, меч, – и потому ее реакция была мгновенной. В отличие от многих на Заставе Илиль хорошо ныряла, и Реакция Илиль сработала импульсивно и бессознательно. Девушка ногами оттолкнулась от Строгора, и потому быстро настигла меч, и только тогда осознала свою роковую ошибку. Конечно же, Строгора отбросило в обратную сторону – в траву, коя широкими лентами висела по всему окоему.

Но не только это испугало Илиль. Внизу уже хорошо просматривалось дно. А по дну... длинной-предлинной цепью шли люди. И еще: ища причину внезапного страха, Илиль сумела увидеть, как несколько человек начинают всплывать по направлению к ней.

Ощущение было – не из приятных. Как раз, в тот момент, когда зрение начало фокусироваться, резкий толчок в плечо отбросил сознание в прежнее состояние. И тут же тело запуталось в длинных растениях, напоминающих морские водоросли. Которые... пытаются плотнее опутать пока еще непослушное тело.

Перебарывая отвращение, он рванул первую попавшуюся. Водоросль оказалась скользкой и... довольно крепкой. Только со второго рывка ему удалось разорвать ее. Если так пойдет и дальше, то никаких сил не хватит. Меч

Меч он выронил, когда падал в воду. Когда Второе открытие было не лучше первого: ему на помощь в воду бросилась Илиль. Сейчас рядом ее не было, как не было и того татлата.

На дикую ярость Строгора водоросли откликнулись пронзительным воплем, и кинулись в бегство.

Пространство-то вокруг быстро очистилось, но это не принесло желаемого облегчения. Более того, рану неимоверно жгло. Строгор не выдержал, и схватился за плечо рукой.

«Этого еще не хватало!», – одна водоросль не сбежала, а, наоборот, присосалась к ране и жадно вытягивала из нее кровь.

Строгор с отвращением схватил ее и отбросил в сторону. Водоросль сначала свернулась в клубок, но затем выпрямилась в стрелу и снова алчно устремилась к ране.

Строгору пришлось сильно потрудиться, кромсая упрямую водоросль на все более мелкие куски, а они все кидались и кидались к кровоточащей ране.

На дно, устланное водорослями, опускаться не было совсем никакого желания. Но его-то у Строгора никто и не спрашивал.

Правда, выбор у него, кажется, был: посреди фиолетовой массы хорошо просматривалась довольно обширная каменистая, свободная от растительности, зона.

Строгор не ожидал, что «посадка» будет настолько жесткой. Его бросило о землю, что едва весь «дух не вышел вон». Но он сумел отдышаться, и поднялся на ноги.

Зона, – по крайней мере – возле него, – оказалась рукотворной, но либо разрушенной каким-нибудь катаклизмом, либо недостроенной. По площадке были разбросаны несколько десятков грубо сколоченных из дерева треугольных призм. Всего скорее, разбросаны, а не разложены. Одни были заполнены сплавленными в одно целое кристаллами, другие оказались пустыми заготовками. Десятка два призм стояли строго вертикально, и... вокруг их лежал настоящий белый-белый снег. В воде?

Строгор зачерпнул горсть снега. Холодно. Он не удержался, и лизнул снег. После воды

«После воды?». Здесь воды не было, вернее, была, но в виде снега и тумана, хотя и туманом это можно назвать с натяжкой. Волны чего-то непонятного мирно перекачивались по снегу и тихо плескались о стоящие призмы.

Снег в руке быстро растаял и стек на снег веселой каплей. Хотя нет, несколько капелек обратились в льдинки, и, упав, нарушили чистоту снега у подножия призмы.

Снег расстилался А сверху снега не было видно. Строгор несколько затравленно осмотрелся. М-да, снег между стоячих призм сугробов не образовывал, но лежал плотным ковром толщиной примерно на длину пальца. Воля – неволей, почувствуешь озноб, даже при том, что Он подумал, было, «воздух был слишком паровитым» – и... осекся. Не должно здесь быть воздуха, неоткуда ему здесь взяться. Стоит пройти с десятков шагов.

Его следы на этом снегу выглядели слишком грубо и... нелепо.

Оп-па! Не хватало еще и сорваться! Нога провалилась вниз, – и Строгор судорожно вцепился в остов незаполненной призмы. Вниз – могло оказаться слишком глубоко. Где-то совсем далеко внизу, возможно, поблескивала вода, а Нет, создать настолько идеальной формы

сооружение не доступно ни природе, ни человеку, ни никому. Но тем не менее, оно реально существует, его можно потрогать, его можно Чер ..., Черпак? Но его ...?

Его Еще одна нереальность: стенки не были скреплены, но камни так не могут держаться.

Они и не держатся: осыпь камней шумно сорвалась вниз вместе с... фигурой человека. Дико кричащего.

Строгор мгновенно сжался и вскинул глаза. Он здесь был не один, – там, где заканчиваются призмы, хорошо просматривалась довольно плотная шеренга людей в коричнево-серой униформе. И с неким подобием оружия.

Скрываться не было смысла, и некуда было отступать. Но, кажется, люди остановились на некой границе, перешагнуть через которую их заставляют пара-тройка людей, одетых, – а как же иначе? – заметно богаче.

Нет, последнее обстоятельство еще сильнее говорило о нереальности происходящего. Что-то, или кто-то, испытывает его разум и волю. Зачем?

Но, Увы, отвечать на последний вопрос уже нет времени, – несколько охотников уже ступили на девственную белизну снега.

Так получалось, что Строгор уже несколько раз прощался с белым светом. Этот будет последним. Ему некуда бежать, негде скрываться, нечем драться за свою жизнь.

И это чужая земля. Или вода? Или ...?

За-над Черпаком возвышались

В иное подходящее время на это, наверное, можно смотреть бесконечно.

Однажды Строгор прочел несколько странное изречение малаи: «А когда увидишь предмет, непрерывно создающий свою форму, можешь считать, что ты увидел само совершенство». Тогда он посчитал сказанное либо бессмыслицей, либо попыткой увести познание в сторону, поскольку таким качеством обладают все аморфные тела. «Да, это так, если забыть, что эта статья о кристаллах», – мягко осадил его тогда Магистр Дорат. Позже Строгор узнал о непрерывно растущих кристаллах, но это было не ТЕМ

Не ТЕМ были и другие способности кристаллов. Впрочем, является ли ТЕМ ТО, увиденное им сейчас?

Увиденное ЧТО?

Подсвеченные сквозь быстронесущиеся облака горы? Огромный замок, надменно взирающий с высоты на тленный мир? Сотни хижин, прилепившихся к безжизненным скалам? Огромный немигающий глаз, взирающий на этот мир из... замка, ... высеченного из огромной скалы, ... ранее своей вершиной, подпирающей облака.

И... ВСЕ – ОДНОВРЕМЕННО! И все ОДНОВРЕМЕННО – МАНЯЩЕЕ и ОТТАЛКИВАЮЩЕЕ. И все одновременно

Долго ли, нет ли, он любовался этим чудом, но забыться он, таки, успел.

Его вырвали из забытья восторженные крики... совсем рядом с ним. Строгор машинально потянулся к поясу, где

Не оказалось на привычном месте меча.

– Строгор, лови!

Илиль? А как у нее в руках меч оказался?

ОХ! Слишком далеко от него была Илиль. По силам ли было девчонке добросить двуручный меч?

Нет, не по силам. Да и как метко его метнуть, если

И такого не бывает. Докинула-таки меч Илиль, и попала точно. Слишком точно. В аккурат через сердце Строгора меч пролетел. Пролетел, и... завис над Черпаком.

Меч

Безрассудно метнулся к нему Строгор, и...

«ЭТО ТЕБЕ НЕ ПО ВОДЕ ЛЕТЕТЬ. ЭТО ТЕБЕ...».

Чьи-то насмешливые слова сбили его с толку, – и Строгор больно стукнулся лбом об рукоять меча.

«КОГДА СОЗНАНИЯ НЕТ, ОНО НЕ МОЖЕТ ПОМУТИТЬСЯ».

– Да, что это такое?

Строгор уже пролетал мимо меча, но руки сами метнулись к рукояти и цепко ухватились за холодную поверхность.

Нет, все-таки это было безумием, и оно продолжалось.

Его несколько раз крутануло вокруг оси, – меча то есть, – а потом

«ГЛАЗАМ-ТО СВОИМ ВЕРИТЬ ПОЛАГАЕТСЯ». – И что-то пребольно шлепнуло по лбу. – «КОЛИ УВИДЕЛ, ЧТО НЕ ПАДАЕШЬ, ТАК И НЕЧЕГО ВНИЗ, АКИ КАМЕНЬ, БРОСАТЬСЯ. ТОЛЬКО ДОНЫШКО У, – КАК ТЫ ЕГО НАЗВАЛ? – ЧЕРПАКА КРОВЬЮ ИЗМАЖЕШЬ, А ТОЛКУ В ЭТОМ НИКАКОГО. МЕЧ-ТО СВОЙ В ПЛОХИЕ РУКИ ОТДАШЬ. ДА И ДЕВИЦУ НЕЛАДНО БЕЗ ЗАЩИТЫ ОСТАВЛЯТЬ».

– Ну, так и есть – Безумие. Если уж сам с собой заговорил. Про меч, жаль, не додумал: пусть Черпак-то, – надо думать, отыщется кто-то, кто способен на дно его спуститься. И про Илиль мигом забыл.

«ВОТ, И Я О ТОМ ЖЕ. КСТАТИ, ВЕТРОМ МЕНЯ КЛИЧУТ. ВИНЫ ТВОЕЙ В ЭТОМ НЕТ, НО ЖДЕТ ДЕВУ ПОРУГАНЬЕ НЕСНОСНОЕ. ПОТЕРЯЛИ, ВИДИШЬ ЛИ, ЖЕНКИ МЕСТНЫЕ СПОСОБНОСТЬ К ДЕТОРОДСТВУ, – ДА И САМИ МОНАХИ, Я ДУМАЮ. ТАК, ИЛИ ИНАЧЕ, НО ПУСТЯТ ДЕВУ ПО КРУГУ, ПОКУДА НЕ ЗАЧНЕТ ОНА ДИТЯ, ЕСЛИ НЕ ОТ ПЕРВОГО, ТО ОТ ДРУГОГО ДЕСЯТКА...».

– Не бывать этому!

«ДАВНО БЫ ТАК», – кажется, прошелестело вслед.

Отвык, однако, он пешим-то сражаться, но здесь особого навыка и не потребовалось.

«ТАК ИТЬ НЕ ПРИШЛО ЕЩЕ ВРЕМЯ НАСТОЯЩИХ УБИЙЦ ХРАМА».

– Это ты, Ветер?

«НУ, А КТО ЕЩЕ? ОХ, И ЛАДНО ТЫ ДЕРЕШЬСЯ, НО, ВОТ, УДАР НЕ ВСЕГДА ДО ЦЕЛИ ДОВОДИШЬ. ЭТОТ МЕЧ ПОЛНОЦЕННУЮ ЖАТВУ ЛЮБИТ, А ТЫ ЕЕ СОВСЕМ ОСТАНОВИЛ».

– Что остановил? Жатву?

«ЖАТВУ, ПАРЕНЬ. ЖАТВУ. НЕ ПОДПУСКАЙ ИХ К ДЕВЕ СВОЕЙ. НЕ ПОДПУСКАЙ, ЭХ, БЕДА, ОПОЗДАЛ ТЫ. ОПОЗДАЛ».

«ОСТАНОВИСЬ НЕМЕДЛЕННО. МЫ НЕ ЖЕЛАЕМ ТЕБЕ ЗЛА, ХОТЬ ТЫ И УБИЛ МНОГО НАШИХ ВОИНОВ, – НАМНОГО БОЛЬШЕ, ЧЕМ МОЖНО ПРОСТИТЬ. НО МЫ ПРОЩАЕМ И ЭТО. ТВОЯ ЖЕНЩИНА У НАС, И МЫ МОЖЕМ УБИТЬ ЕЕ В ЛЮБОЕ МГНОВЕНИЕ».

Это не был голос Ветра. Он, казалось, как камни, перекашивался между призмами и тяжелым молотом бил по ушам.

Да, Илиль стояла на высоком помосте в окружении десятка мужчин в серо-коричневых одеяниях. Нет, не в окружении. И не стояла. Она отчаянно вырывалась из цепких рук, но мужчин было много, – по трое на каждую руку, а еще четверо направляли на нее незнакомое Строгору оружие.

Строгор рванулся, было, к помосту, но слишком далеко было до него.

«ЕЩЕ ШАГ, – И ОНА УМРЕТ В СТРАШНЫХ МУКАХ».

Удивительно, но обладателем громогласного голоса оказался невзрачный человечек во все той же серо-коричневой униформе. Но у него имелась еще и такой же расцветки накидка. И стоял он на одной из вертикальных призм.

Строгор остановился и, переведя дыхание, крикнул:

– Чего вы от нас хотите?

– Вопрос резонный. Вы – пришлые люди, а, значит, должны исполнять наши законы. – Человек понизил тон, но голос, все равно, резал уши.

– Чтобы исполнять законы, надо, как минимум, их знать.

– Это правильно. – Обрадовался человечек. – Сложи оружие, – и мы тебя научим.

– Что-то не слишком учтивы вы к гостям? – Усмехнулся Строгор.

– Гости не ходят с оружием. – И радость человечка зримо угасла.

– Это не совсем так. Как правило, гости не вынимают оружие, если им не угрожают.

«ТАР».

Строгор не видел, что сзади к нему бросились люди, но они, кажется, столкнувшись, помешали друг дружке и подняли слишком много шума. А у Строгора уже не оставалось времени на выбор.

Теперь, наверное, Ветер будет доволен. Строгор метался, уподобляясь Зверю, а люди не успевали скрыться, да и приказ остановиться запоздал.

«ОСТАНОВИТЕСЬ. Я ПРИКАЗЫВАЮ ОСТАНОВИТЬСЯ». – Крик доносился откуда-то сверху, – и Строгор, уже в запале, рубанул с плеча мечом по стоящей перед ним призме.

Даже зная, что меч – не прост, Строгор был сильно поражен. Меч без видимого сопротивления прошел сквозь призму, – и верхняя часть ее тут же с мелодичным звоном сползла вниз. И под ноги Строгору рухнул... нечленораздельно визжащий человечек.

«ХОТЬ ЛУНЧ И ЗАСЛУЖИВАЕТ СМЕРТИ, НЕ УБИВАЙ ЕГО. ТОЛЬКО ОН ЕЩЕ МОЖЕТ УДЕРЖИВАТЬ ЭТИХ БЕЗУМЦЕВ В РУКАХ. А ТЕБЕ ОН БОЛЬШЕ НЕ ОПАСЕН. ХОТЯ БЫ ПОКА».

Ветер, кажется, был прав: Лунч мгновенно осознал свое безвыходное положение, – и, пугливо встав на колени, приказал: «Отпустите ее». И те, на помосте, без промедления исполнили его приказ. Или прав отчасти, поскольку один из окруживших их людей вскинул вверх свое причудливое оружие и выкрикнул:

– Лунч повержен. Он стоит на коленях пред нашим врагом. Смерть им.

Никто не пошевелился.

– Я сказал, смерть им. Вперед, трусы и бездельники. Тар. – И самозванец подтолкнул к Лунчу стоящего рядом с собой человека.

Причудливое оружие на деле оказалось довольно серьезным. Строгор не понял, что произошло, но голова самозванца внезапно сорвалась с плеч, а его тело плашмя рухнуло на камни, только что выпавшие из призмы.

– Возвращайтесь в деревню. – Неуверенно приказал Лунч. – Все.

– Но ...? – Растерянно проговорил тот, что обезглавил самозванца, выразительно кивнув на мертвецов.

– Не до них сегодня, Случ. Хотя, ты прав, надо бы вынести их за ров. Но, боюсь, после такой трапезы лапы совсем обнаглеют. Позавчера, Вериг сказал, на Сирий хутор напали, весь порезали.

– Так оно и было. – Подтвердил Случ. – Они и сюда заходили. Глот только на вершине и уберется.

– Сюда? – Не поверил Лунч. – Не может этого быть.

– Точно, заходили. – Горячо подтвердил еще один воин. – Это они сюда варваров загнали. Здесь и прикончили.

– Что же это делается, Лунч? – Выбрался из-за спин еще один с накидкой на плечах, всего скорее, монах. – Неужели знамение начинается? Скоро так и до Храма доберутся. Или они уже там побывали?

– Ты так думаешь, Грен? – Случ тут же начал суетливо оглядываться. – А это не они ли колонны порушили?

– Ага, и воду всю выпили. – Криво усмехнулся еще один монах. – Хватит неделю говорить. Когда Книгу, Лунч добудешь? Я уже начинаю считать, что Лагер прав был.

– Будет вам книга. – Недобро осклабился Лунч. – Думаю, с нами никто не пойдет? Случ, уводи людей.

– А вы? – Чуть ли не остолбенел Случ. – А если лапры там уже?

– Нет их там, Случ.

– А этих куда? – Случ кивнул на Строгора.

– Они пойдут со мной. – И, не дожидаясь возражений, повел Строгора по берегу Черпака.

Увы, чудеса этого мира на этом не закончились. Причудливое мрачное строение, непрерывно меняющее форму, на деле оказалось ..., по меньшей мере, прозрачным, ... ярким, – словно внутри его светило солнце, – и небольшого размера. Зато, пока шли до него, Строгор изрядно устал, и, в конце концов, с трудом передвигал ноги. Нет, в конце концов, он без сил осел на ничем не застеленную подстилку из соломы и погрузился в глубокий тяжелый сон.

– Ветер, ты его видел?

– Видел, и чуток разговаривал с ним.

– Ну, и ...? Кто он?

– Имя его Страт, как я понял.

– Как ты понял, или на самом деле? Ты уверен? Это он тебе сказал? Женщина-то, говорят, его по-другому назвала.

– Послушай, Лунч. Я не слышал, как его назвала женщина. Но свое имя он от меня не пытался утаить.

– Почему? Все с той стороны скрывают свое имя.

– Все. Да не все – с той стороны.

– Откуда это узнал? – Этот голос становился все недоверчивее и недоверчивее.

– Дикарь тот перед смертью раскрылся.

– Вот ты и попался, Ветер. Дикарь-то его Государем назвал.

– Ага. Подловил меня, думаешь? Дикарь назвал его похожим на Государя. Да, и то со слов других.

– Темнишь, Ветер? Одно другого не меняет. Признавайся, что удумал? Не то придется мне

– Пустое, Лунч. Надоело мне здесь. До тошноты надоело. Сам от тебя уйду.

– Ты не сделаешь этого, Ветер. Ловушка еще жива.

– Угрожаешь, Лунч? Пустое это дело, говорю. Я в лабиринт уйду.

– Так, ты и, действительно, удумал? И давно?

– Давно, Лунч. С того момента, когда понял, что мир этот обречен. Сегодня тебе еще удалось удержать его. А завтра?

– Я добуду эту книгу, Ветер.

– Как? В твои обещания уже никто не верит. Да и так ли сильна эта Книга?

– А зачем надо было так скрывать ее? Сколько туда гонцов ушло, вспомнить страшно. И ни один не вернулся.

– Не могли, или не захотели?

– Чего ты хочешь, Ветер? Зачем сеешь смуту?

– Ты не оговорился, Лунч? Не я ли вытащил тебя из петли?

– Все могло измениться, Ветер?

– Могло. И изменилось. Одно осталось неизменным, Лунч. Мне, как и прежде, глубоко плевать на ваш придурочный Храм, на вашу никчемную Кровь.

– Ты не шутишь, Ветер?

– Какие могут быть шутки, Лунч, если ваши тупоголовые лишили меня жизни.

– Поверь, я не знал про это, Ветер. Э, нет, ты шутишь.

– Спроси Ларена.

– И ты все время молчал? Почему?

– Я охраняю Книгу.

– Нет, все-таки ты шутишь. Ты сам только что спрашивал, так ли сильна эта Книга.

– Ну, и что? Я ее не читал. И, поверь, не видел, но я должен был ее охранять, а ваши тупоголовые Эх, да, что тут говорить. Не для вас она писана, а для врагов ваших – малаи.

– Но ты же не малаи, Ветер. Ты, как и мы.

– Да, я – инкусу. Но я всегда жил с малаи. Настолько всегда, что стал малаи.

– Ты меня огорчил, Ветер?

– Это вы меня огорчили. Когда инкусу стали смешивать свою кровь со змеями.

– Ты же знаешь, мы были вынуждены это сделать, иначе бы давно вымерли.

– Разве что-то изменилось? Ладно, прощай, Лунч.

– Ты куда, Ветер?

– Это и для меня тайна. Прощай, Лунч.

– Ветер, подожди, не уходи. Мне надо поговорить с ним.

Ответа не последовало.

Строгор проснулся, но, так, и не понял, сном, или явью был подслушанный разговор.

Думать не хотелось. И, хотя подстилка была жесткой, он снова задремал.

Долгой ли была дрема? Всего скорее, нет. Наверное, это был провал сознания, последним видением которого было лицо Илиль.

Пробуждение тоже

Нет, сначала он услышал крадущиеся шаги, а затем... он увидел Илиль с тем, еще не понятным, оружием в руках, и

Лунч, съездившийся у входа в глубоком испуге, что-то пытался сказать, но издавал только нечленораздельные звуки.

– Я не хотел сделать вам ничего плохого, Страт. – Наконец, сумел выговорить он.

– Страт? – И Строгор мигом оказался на ногах.

– Разве, не так? – Лунч явно напрягся.

– Так. – Строгор все еще не мог оправиться от удивления. – Но я не называл здесь своего имени.

– Нет, но его назвал... Ветер. – Лунч помедлил, прежде чем назвал последнее имя. – Ты с ним разговаривал?

– Но ему – Задумался Строгор, вспоминая.

– Ветру этого и не требуется. Ветер знает все.

– А где он? – Строгор поспешил продолжить разговор, заметив, что и Илиль отчаянно пытается вставить слово.

– Не знаю, но недавно мы с ним разговаривали. Кстати, о вас тоже.

– Да? И о чем же?

– С этим можно было не спешить, но разговор уже начат, – и я отвечу. Предложение у меня есть. Нам нужна одна очень важная вещь.

– Но почему я? —

Наверное, Лунч не был готов к продолжению разговора, что отразилось на его лице.

– Почему мы?

– Не вы, а он. Если он, действительно, – Страт, то он сможет пройти Лабиринт. К сожалению, мы, вопреки предсказаниям, отправили туда десятки наших людей, и ни один не вернулся.

– Погибли?

– Честно признаюсь, не знаю. Ветер говорит, что там есть живые, но обратно никто не пришел. Ветер говорит, что им там лучше.

– Мы пойдем вдвоем.

– Нет. Пройти сможет только он один.

– Мы пойдем вдвоем. Он еще очень слаб.

– Слаб? – Лунч едко рассмеялся. – Он убил больше сорока наших опытных воинов. И ты говоришь, слаб? Впрочем, как хотите. Я – согласен.

– Что я должен принести?

– Книгу. Всего лишь, книгу.

– Как и где я ее найду? И я не знаю, что искать. – Строгор, кажется, не замечал метания Илиль.

– Пойдем, я покажу ее изображение. – Без видимой причины развеселился Лунч.

Илиль была готова растерзать Лунча, но ей путь тут же преградила его охрана, а Строгор

Откуда и как появилась стена, Илиль не поняла, но сразу же за скрежетом фигура Строгора стала расплывчатой и едва видимой.

– Извини, Страт. Я должен был это сделать. – Лунч при этом опасливо оглянулся на Илиль.

– Зачем?

– Я – в ответе за свой народ. Нам жизненно нужна эта книга.

– Зачем? Вы, все равно, не сможете ее прочесть.

– Почему ты так уверенно говоришь? Ты что-то знаешь? – Лунч, прищурив глаза, посмотрел на охранников, – и они мгновенно заткнули себе пальцами рук уши.

– Ваш народ не знает письма Белого Волка.

Лунч вздохнул с облегчением.

– Эту книгу написал не Белый Волк.

– Древние?

– Возможно, но двое из наших видели ее однажды, и они поняли ее язык. И ты нам ее принесешь.

– А если нет?

– Твоя женщина здесь. До холодов она в полной безопасности. Ее будут хорошо и сытно кормить. Но, если ты не вернешься до холодов, все изменится. Если она зачнет ребенка, ее будут продолжать кормить, если нет, она умрет голодной смертью, но перед этим она испытает желание большинства мужчин, и оно не всегда бывает приятным.

«ЛУНЧ, ТЫ ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ ИНКУСУ, НЕ ОЖИДАЛ ОТ ТЕБЯ ТАКОГО».

– Ты вернулся, Ветер? Ты прав, я вынужден перестать быть инкусу. Вынужден, Ветер. Мы не стремились сюда, – нас выжили. Я не хочу, чтобы этот мир стал нашим последним пристанищем.

«ИДИТЕ В ЛАБИРИНТ САМИ. ВСЕ ИДИТЕ, – ТАМ ДРУГОЙ МИР. ПРАВДА, ТУДА НЕ ПУСКАЮТ С ОРУЖИЕМ».

– Не пускают с оружием? Почему ты сказал об этом только сейчас? —

«ТЫ, ВСЕ РАВНО, НЕ ПОВЕРИЛ БЫ».

– А Страт? – И его осенило. – И кто это туда не пускает? Те, кто выжили?

«ВОЗМОЖНО. ВСЕГО СКОРЕЕ, ТЕ, КТО СТАЛИ ДРУГИМИ».

– Ты же говорил, что там не был. – Не отступал Лунч.

«БЫЛ, НО ТОЛЬКО В САМОМ НАЧАЛЕ».

– И тебя не пустили дальше? – Догадался Лунч.

«ИМЕННО ТАК»

– Тебя отпустили? Почему же удержали других? – Лавинообразно возрастало неверие Лунча.

«ТАМ НИКОГО НЕ УДЕРЖИВАЮТ, НО НИКТО, ВСЕ РАВНО, НЕ ВЕРНЕТСЯ».

– Они все стали другими? – Постигла Лунча новая догадка.

«МЕНЯ НЕ ПУСТИЛИ ДАЛЬШЕ»

– Ты был там с оружием? – Лунч так разволновался, что не заметил, что охранники все слышат.

«Я САМ – ОРУЖИЕ»

– И снова ты говоришь неправду. Ты же говорил, что должен охранять книгу.

«А МНОГО ЛИ ТВОИХ СЕКРЕТОВ ЗНАЮТ ТВОИ ОХРАННИКИ?».

И Лунч сразу прозрел:

– Эдд, это что такое?

Пальцы мгновенно сели, наверное, в свои «гнезда» так глубоко, что охрана забыла все, что слышала.

– У меня нет тайн от охраны.

«А У ХРАМА?».

Строгору надоело выслушивать, хотя и интересную, но бессмысленную перепалку, и он спросил:

– Как быть с оружием?

«ТЫ ТОЖЕ – ОРУЖИЕ, СТРОГОР»

– Строгор? – Как ошпаренный, отшатнулся от двери Лунч. – Ветер, ты меня все это время обманывал?

«И ДА, И НЕТ»

– Так не бывает, Ветер.

«БЫВАЕТ. ТЕБЕ НУЖНО БЫЛО ПЕРВОЕ ИМЯ. И Я ТЕБЕ ЕГО НАЗВАЛ. А СТРОГОР – ЕГО ГЛАВНОЕ ИМЯ».

– Зачем ты меня обманул, Ветер? – Лунч сразу почувствовал такую усталость, что беспомощно опустился на каменную скамью.

«ЗАТЕМ, ЧТО, КАК БЫ НИ ОТНОСИЛСЯ К ВАШИМ ТУПОГОЛОВЫМ, Я ВСЕ-ТАКИ ИНКУСУ. УЗНАВ, ЧТО СТРАТ – ЕЩЕ И СТРОГОР, ВЫ БЫ БЕЗРАССУДНО РИНУЛИСЬ НА НЕГО. А ЕГО МЕЧ, И САМ СТРОГОР – ОРУЖИЕ, КОТОРОЕ ВАМ НЕ ПОБЕДИТЬ».

– Ошибаешься, Ветер. У меня в руках сегодня имеется оружие, перед которым он не устоит. – Лунч торжествующе оглянулся, – и его глаза широко раскрылись. – Где женщина?

«ТЕБЕ ДО НЕЕ НЕ ДОБРАТЬСЯ, ЛУНЧ».

– Она – на той стороне? Как? Почему? – Лунч изменился в лице.

«ДА, ЭТО ТАК, ЛУНЧ»

– Но как? Ей нельзя туда.

«Я ЗНАЮ ЭТО, ЛУНЧ»

– И ты, все равно? – Лунч начал терять дар речи.

«Я ВЫВЕДУ ЕЕ В ДРУГОЙ МИР, ЛУНЧ».

– Строгора – тоже?

«НЕТ, СТРОГОР ПОЙДЕТ ДО КОНЦА. ТАКОВЫ ЕГО ВОЛЯ И ДОЛЯ».

– Он принесет нам книгу. – Обнадежился Лунч.

«НЕТ НИКАКОЙ КНИГИ, ЛУНЧ. ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ, В ТОМ ВИДЕ, В КАКОМ ВЫ ЕЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ».

– Нет? Ты ее уничтожил? Вот, почему ты водил меня за нос?

«ВОДИЛ ТЕБЯ ЗА НОС? ОТКУДА У ТЕБЯ ЭТО ВЫРАЖЕНИЕ, ЛУНЧ? КТО ЗДЕСЬ БЫЛ? НЕ ТЫСЯЧЕЛИКИЙ ЛИ?».

У Лунча сразу забегали глаза, и он поспешил ответить:

– Я не знаю Тысячеликого.

«Д, АВУР? МНЕ КАЖЕТСЯ, ТЫ ВВЯЗАЛСЯ В ОПАСНУЮ ИГРУ. ЕСЛИ ЭТО – ТАК, ТО Я НЕ ПОСТАВЛЮ НА ТЕБЯ И ЛОМАНОГО ГРОША».

– Не понял. Что это за грош?

«ВСТРЕТИШЬ ТЫСЯЧЕЛИКОГО СНОВА, СПРОСИ У НЕГО».

Они расходились в разные стороны: Строгор – в направлении зарождающегося рассвета, Илиль, – часто оглядываясь, – в боковое ответвление. Проход позади нее начал покрываться сначала тонкой, еле заметной, сеточкой, – и Строгора вскоре стало еле-еле видно. Затем сеточка быстро посветлела, но за нею было уже пусто.

Илиль тоскливо вздохнула.

«У КАЖДОГО СВОЯ ДОРОГА, ИЛИЛЬ. ИЗВИНИ, НО ОН ДОЛЖЕН БЫТЬ ПОЛНОСТЬЮ СВОБОДЕН».

– Я бы не связала ему руки. – И новый вздох. – Зачем он пошел туда, если книги нет.

«ЗНАНИЕ ИДЕТ НЕ ТОЛЬКО ОТ КНИГ. САМ КРИСТАЛЛ – ЗНАНИЕ, НО, ЧТОБЫ ПОЗНАТЬ ЭТО, НЕОБХОДИМО ПРОЙТИ КРИСТАЛЛ ДО КОНЦА».

– Если никто его не прошел, откуда это известно?

«ИЗВЕСТНО».

Ответ совсем не устроил Илиль, да и ноги совсем отказывались идти. Теперь уже каждый шаг давался с трудом, но кто знает, сколько еще идти? Она снова оглянулась. И надо бы бежать, но ноги сковал животный страх.

– Ветер, это что?

«ЧТО? А, ЭТО? У НЕГО МНОГО ИМЕН, НО ЧАЩЕ ВСЕГО ИМЕНУЮТ СТРАЖЕМ КАМНЯ».

– Он нас догоняет.

«ДУМАЮ, МЫ УЖЕ ПРИШЛИ»

«КУДА ТЫ ТАК СПЕШИШЬ ВЕТЕР, НЕ ПОГОВОРИВ СО МНОЙ. НЕ ХОРОШО».

И громкий хохот так встряхнул стены, что по ним пробежала быстрая рябь.

«ОТКУДА МНЕ БЫЛО ЗНАТЬ, ГДЕ ТЕБЯ МЛЖНО ПОВИДАТЬ?».

«ВЕЗДЕ. А ТЫ ВСЕ-ТАКИ ОСЛУШАЛСЯ МЕНЯ. Я ЖЕ ГОВОРИЛ ТЕБЕ, ЧТО ДЛЯ ИНКУСУ ПУТЬ ЗАКРЫТ».

«ГОВОРИЛ, НО ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ. СЕГОДНЯ Я УХОЖУ. СОВСЕМ».

«УХОДИШЬ, НЕ ИСПРОСИВ РАЗРЕШЕНИЯ?».

«Я ВЫПОЛНЯЮ ПРИКАЗАНИЕ».

«ЧЬЕ?».

«СТРОГОРА».

«ЧЬЕ?!».

«ТЫ ЖЕ НИКОГДА НЕ СТРАДАЛ ГЛУХОТОЙ. ТЫ, – ЧТО? – ЕГО НЕ ВИДЕЛ?».

«ТО-ТО, ГЛЯЖУ, С КЕМ-ТО ВОРОН БЕСЕДОВАЛ».

«ЧТО, И ВОРОН ЕЩЕ ЖИВ».

«НЕ МЕРТВЕЕ, ЧЕМ ТЫ. КТО ЭТО С ТОБОЙ?».

«ТОРМОЗИШЬ ЧТО-ТО, СТРАЖ. АЛИ ЗАПАМЯТОВАЛ, ЧЬЕ ПРИКАЗАНИЕ ИСПОЛНЯЮ?».

«МНЕ СТРОГОР – НЕ УКАЗ».

«А ИТЬ, ТОЧНО, ТОРМОЗИШЬ. ТЫ ХОТЬ ИМЕЧКО-ТО ВСПОМНИЛ, СМирЕН-
ный? ПО СЛОГАМ ПОВТОРЯЮ: С-Т-Р-О-Г-О-Р».

«НУ, И ЧТО? ЧТО-О?! СТРОГОР? ТЫ ЧЕГО ПРЕЖДЕ-ТО МОЛЧАЛ? ПОБЕГУ Я».

«ПОГОДЬ МАЛЕНЬКО. ДАЛЕКО ЛИ ДО ВЫХОДА?».

«ТАК, САМ СКАЗАЛ, ДОШЛИ УЖЕ. ВОН, ЗА ТЕМ КАМНЕМ СВЕРНЕШЬ
НАЛЕВО».

«НАМ НА ВТОРУЮ НАДО».

«И У ТЕБЯ, ВИДАТЬ, ТОЖЕ С ПАМЯТЬЮ ПЛОХО. ОДИН ВЫХОД-ТО. А ТАМ, КАК
ПОВЕЗЕТ».

Широковатым выход оказался. И прямо перед выходом резвились драконы.

Лучника сумели вытащить в самый последний момент. Не Лучника, а само негодование.

– Ты чего кипишь, Бродяга? – Крепко обнимал его Воррн. – Теперь мы точно знаем, что
Строгор погиб. Не хватало нам, чтобы еще и тебя потерять.

– А я в этом не уверен. Строгор не был даже ранен. – Разумеется, Лучник не стал сбрасывать с плеча руку.

– И я полностью согласна с Воррном. – Из угла проговорила Даугратинья. – Из воды
Строгор не вышел.

– Откуда это известно? – Начал горячиться Лучник. – Если он не был ранен.

– Может быть, ты и прав, но Застава с того времени совсем закрыта. – Выплыла из угла
Даугратинья. – Разве что драконов туда послать? Нет и нет! Тебе туда нельзя. Нам и, так,
от Лаки достанется.

– Ну, сто бед – один ответ. – Воррн начал, было, сдаваться, но Даугратинья решительно
воспротивилась:

– Нет, я сказала. Драконов попрошу.

– Ты же сама сказала, что Застава закрыта? – Уточнил Воррн.

– Драконам необязательно на Заставу лететь. – Рассердилась Даугратинья. – Они могут
другим путем узнать.

Увы, драконы не смогли ничем помочь:

– Застава закрыта напрочь, а, если верно то, что вы рассказали, вода закрыла Заставу. –
И тут же обнадежили. – Строгор под водой мог и выжить. Случалось несколько раз встречать
людей, вернувшихся оттуда. Одна беда: не в себе они возвращались.

Глава третья

ЗВЕЗДНЫЙ БРОДЯГА

1. Лабиринт

Вопреки всем предположениям, все оказалось совсем не тем, что он ожидал.

Нет, пекла тут не было, зато, свет бил отовсюду. Очки, услужливо оставленные вместе с небольшим запасом еды, не спасали, но без них была бы, вообще, беда. Иногда лучи от нескольких граней сливались, и в местах их слияния возникали чудные радужные образы.

Строгор был готов ко всяким причудам кристалла, но уж никак не к тому, что он начнет высасывать мысли, – и, стало быть, сам мозг. И ощущение этого оказалось более чем неприятным.

Сначала исчезли мысли. Последней, разумеется, была, что мысли исчезли. Затем исчез слух, – и Строгор перестал слышать звук своих шагов.

Нет, слух через некоторое время вернулся, но стал совершенно иным: Строгор стали постоянно мерещиться негромкое шуршание и царапанье когтей по стеклу. Сначала они были далекими, потом все ближе и ближе, и он понял, что они – уже вокруг него.

Следом начали возвращаться мысли.

Некоторые, – например, та, что здесь нельзя иметь оружие, потому что ничто не угрожает, – были обнадеживающими. Другие, наоборот, приводили к унынию. Третьи?

Сколько времени он в пути? Трудно сказать. Солнце здесь, похоже, никогда не заходило за горизонт. И, возможно, здесь нет времени. А, если нет времени, то Нет, путь, понятно, был, но он же мог быть и ложным. Эта простая мысль сильно смутила Строгора, смутила настолько, что отозвалась тяжестью сначала в ногах, а затем и во всем теле.

«Нет, без мыслей было легче, без мыслей...».

Он не успел закончить, казалось, мудрую мысль: тупой толчок в спину бросил его вперед, заставив пробежать несколько шагов, но не удержаться на ногах, и рухнуть ничком в подвернувшийся на пути угол. И тут же ему на голову высыпали ворох какой-то мелочи.

Съедобной мелочи От давно забытых ароматов узлом скрутило желудок – и... Строгор понял, что не ел уже тысячу лет.

«Но откуда ...?».

Ответ пришел прежде, чем оформился вопрос: нечто шипастое упало сверху, и Строгора потянуло назад.

Строгор дернулся в сторону, и с плеч сорвались ремни... котомки... с припасами.

Строгор освободил котомку, и пополз вперед, а сзади к частому царапанью когтей присоединилось смачное многоголосое чавканье.

Наверное, он давно уже ослеп, поскольку никого не увидел, но его самого не раз задевали когти, либо колючки.

Строгор вытащил из-за спины меч, и, наудачу, несколько раз ткнул им в различных направлениях. Он не понял, достал ли кого, но царапанье когтей быстро удалилось.

Царапанье-то удалилось, но и еды не осталось.

Строгор, тревожно прислушиваясь к тишине, пошарил по полу, но смог отыскать только похожий на камень сухарь.

«Нет – так нет. Отдохнул – и...». И он сообразил, что идет, и идет уже много времени, зацепил мечом за выступ, – и едва не выронил его из занемевшей руки.

«Здесь нет времени».

Увы, отсутствие времени не отменяет усталость, хотя и время никто и ничто не может отменить. Чтобы хоть как-то разобраться со временем, он принялся считать шаги. Вслух. Поначалу это принесло облегчение, потом пустоту, потом

Трудно сказать, какие еще чувства у него остались, но он смог ощутить, что наплывает на него нечто массивное, – и инстинктивно прижался к стене.

Оказывается, у него сохранилось еще и обоняние. Пролетая мимо, Массивное обдало его таким тяжелым смрадом, что разом перехватило дыхание, и не отпускало еще долго-долго.

Что бы ни говорил Ветер, но получается, что этот мир не такой и мирный. Теперь Строгор все время был настороже, и возвращение Массивного уже не застало его врасплох.

Строгор вжался в угол, – и провалился. Сквозь стену.

Ну, да! Там, на планете, в камне тоже часто попадались ответвления, и одно из них

Этот путь оказался коротким и... ложным.

Строгор дождался, когда удалится пыхтение, и выбрался из щели.

Теперь Строгор тратил силы и время на отыскивание и обследование ответвлений, пока совсем не запутался. И в сознании начала оформляться паника, но, – будет ли время, понять, почему? – он обрадовался, когда услышал впереди знакомое уже пыхтение.

Строгор интуитивно «увидел» ответвление, но углубляться далеко в него не стал, – вконец уже достали эти поиски обратного пути.

А зря.

Массивный, похоже, его и искал.

Да, и теперь он не спешил. Строгор чувствовал всем телом, как нечто пытается протиснуться в ответвление.

Строгор пару раз ткнул мечом, но, надо полагать, что не дотянулся. А нечто затихло: толи уснуло, толи затаилось.

Все-таки затаилось: стоило Строгору шевельнуться, и толчки в стену возобновились с новой силой, да такой, что Строгор не стал искушать судьбу, и начал мелкими шажками пятиться назад.

Ему снова повезло: он мог бы пройти мимо, как, вероятно, прошел уже не единожды. Но ему показалось, что нечто уже рядом, и он по привычке прижался к стене.

Опоры для спины снова не оказалось, а ноги запнулись за

А это За оказалось нижней ступенькой лестницы, – и Строгор, не задумываясь о последствиях, тяжело, на полусогнутых, начал взбираться вверх. Затем вниз. И снова – вверх. Переход по тоннелю. Подъем-спуск.

Вскоре Строгор перестал вести счет подъемам-спускам и переходам. Последнее, что он еще пытался осмыслить – Зеленая труба, по коей он то полз, то брел, то по поверхности, то внутри. То одновременно – внутри и снаружи

И совсем неосмысленным осталось то, что свет, не дающий тени, не угас, но стал намного мягче, зато, усилилась жара.

А усталость уже сделала свое дело: на Строгора напало тупое безразличие – чувство, которое погубило немало путешественников. Это оно заставляет безразлично брести в неизвестном направлении, растрачивая последние силы.

Нет, Строгор знал о нем, но был настолько беспомощен, что поддался ему, и, забыв о мече, побрел навстречу голубому свечению.

Через десяток-другой шагов он запнулся, и упал. Упал жестко, – и разом засадили локти и колени. И уже не осталось сил ни встать, ни перекатиться на спину, – и он забылся тяжелым, тревожным сном.

Время дождей наступит еще совсем не скоро. Если наступит вообще.

Еще вчера старик отдал свою воду беременной женщине, а сегодня... родник пересох совсем, – сухой, не обещающей влаги, оказалась и земля на его дне.

Горячий ветер поднял в небо вихрь мелкого песка, как знамение Смерти.

Старик знал, что Смерть на сей раз придет неминуемо, но никогда еще она не приближалась так открыто

Горячий ветер принес... воду. Прохладную.

Вода тоненькой струйкой лилась на пышущее жаром лицо, и

Он, не открывая глаз, попытался поймать струйку пересохшим ртом

– Жив? Это хорошо. На, испей водички-то. Ох, вкуснотища, – век бы пил. Да, ладно, не вставай. Вон, к трубочке прилаживайся, – и пей. А, если мимо прольешь, не беда, – здесь сия водичка зарождается.

Водичка была невероятно вкусна: с легким, едва ощутимым ароматом трав и ягод.

– Ну, ягоды-то только кажутся. Нет здесь ягод, а травы повсюду они.

– Это вы их на травах настаиваете? – Удивился Строгор.

– Вот, чудак-человек? Природная эта водичка, а откуда сей аромат берет, и мне неведомо. Строгор слушал журчание речи человека, пил воду, и оглядывал место, где оказался.

«Не то место», – мелькнула шальная мысль.

– Дошло, наконец?. Знать, тело само от жары спасалось, если не помнишь, как сюда пополз. До воды, вот, только чуток и не добрался. Голоден, поди-ка? Нет у меня с собой съестного. Придется потерпеть маленько. Строгор, вот, вернется, и пойдем к еде.

– Строгор? – Растерянно вскричал Строгор. Крика не получилось, но незамеченным это не прошло.

– Вот, оно как? То-то, гляжу, лицо знакомое? Не понял, стало быть, я, не догадался, почто он в эту сторону все время поглядывал. А вон и он. Ну, подымайся, не торопясь.

Об этом-то моменте и рассказывал Страж Ветру.

– Вот, так оно и получилось. Успела, таки, Вероника Построитель остановить, а уходить пришлось уже сюда.

– А Вероника где?

– Ее Страж вывел, но, куда, не знаю. Не однозначен был тот выход. Ты-то как?

– Заставу я закрыл, а дальше все кувырком пошло. На другую Заставу попал.

– На эту Заставу тебя мы вывели.

– Вы?

– Мы. И извиняться не будем. Ты здесь был нужен.

– Был? – Возмутился, было, Строгор, но это не возымело никаких последствий.

– Да, был. Пока не узнали, что за тобой Тысячеликий тащится. Да, и татлатов мы не просчитали. Не должно было их там возникнуть. – Завздохал-заохал Строгор-старший. – Охо-хонюшки-хо-хо. Одни просчеты. Теперь и Генератор перестал работать. Почему, никак не поймем.

– Черпак пуст. – Строгор был так оглушен новостями, что про Черпак сказал без всякой задней мысли.

– Черпак пуст? Это точно? – Подскочили оба собеседника. – А столбы как?

– Призмы что ли? Большую часть – по площадке разметало.

В стихах Белого Волка имя Иола упоминалось всего пару раз, да и то, как бы случайно, а на деле оказалось, что эта таинственная планета – его рук дело.

– Не вся. – «Услышал» Строгора Строгор-старший. – Лабиринт, что над головами висит, Са Тал А Корн создал.

Строгор поднял голову. Вверху

Вверху было сплошное переплетение корней.

– А я думал.

– Внизу тоже – Лабиринт. Но они действуют отдельно друг от друга. Единственное, что их связывало – вода из Черпака.

М-да! Черпаки существуют, по меньшей мере, на трех планетах. В отличие от других, этот имеет идеальную форму, – и можно подумать, что он – рукотворный.

– Куда же вода могла деться? – Поглядывал на корни Иол. – Лабиринт немного воды и брал-то. Совсем, говоришь пуст?

– Мне показалось, совсем, Закрыт он. – Строгор вспоминал, как удержался на его поверхности: для этой парочки этого должно быть предостаточно, чтобы уразуметь сказанное.

– Непонятно все это. – Все больше сокрушался Иол. – Никогда не уходила вода. Ты-то что скажешь?

Последний вопрос прозвучал навскидку, случайным и пустым был вопрос, но Строгор-старший мыслил иначе.

– Когда мы Строгора перебрасывали, Черпак – Но сразу же и засомневался. – Он уже мог быть пустым. Что ни гадай, придется Строгора назад вертать. Только у Лунча можно узнать, когда Черпак ушел.

– Лунч без книги со мной разговаривать не станет. – Поспешил напомнить Строгор.

– Дам я ему книгу. – Хитро усмехнулся Иол. – Пусть душеньку свою потешит.

– За ней же Тысячеликий охотится. – Ужаснулся Строгор-старший.

– Все еще там он что ли?

– Там – не там, но чутье у него – сам знаешь, какое.

– Главное, чтобы не почуял, что книга поправленная.

– Хитер ты, однако.

– Я давно к этому дню готовился.

– Ты знал про книгу? – Воскликнули оба Строгора разом.

– Нет, книгу, все равно, отдавать было надо. Я, конечно, мог бы вам сказать, где настоящая находится, но зачем вам это?

– Угу! Не забудь только сказать, когда умирать начнешь. – Равнодушно пробормотал Строгор-старший.

И вздрогнул от неожиданности, когда Строгор как в забытии прошептал:

– На стенах она.

– Ну, и как его к Лунчу оправлять? – Растерялся Иол.

– А мы рядом будем. И Стража с собой прихватим.

– Страж Морока гоняет. Пока совсем его не умает, не успокоится. Если, только, морока снова на храмовников выпустить? Пусть потешится, заодно и мир там установится.

– Вот, это – дело. – Обрадовался Строгор-старший. – Успеть бы, только, Лунча лучше расспросить.

– Это, точно, она? – Лунч мелко дрожащими от нетерпения руками переворачивал тяжелую книгу, но открыть ее не решался.

– Другой там не было.

– И ее никто не охранял? – Лунч, наконец, начал распутывать завязки.

– Было там что-то непонятное, большое и неповоротливое. Пыхтело и мычало, но на меч не пошло. – Строгор «опасливо» оглянулся на Лабиринт. – А это что за сооружение?

– Что? – Рассеянно спросил Лунч. – А, это? Лабиринт. – И снова – к книге.

Но Строгор не унимался. – А это Черпак?

– Ворон его так назвал, значит, Черпак и есть.

– А чего он пустой, когда кругом столько воды.

– Вода в нем была, а потом за одну ночь испарилась.

– За одну ночь? – Не сдерживал удивления Строгор. – Вверх что ли поднялась?

– Воды и наверху, кажется, меньше стало. – И на Строгора подозрительно уставился. – А ты чего это Черпаком заинтересовался?

– А как не заинтересоваться, если кругом столько воды, а Черпак пуст. – Ответил Строгор, всматриваясь в глубину Черпака.

– Придется тебе еще на один вопрос ответить: откуда про Черпак знаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.